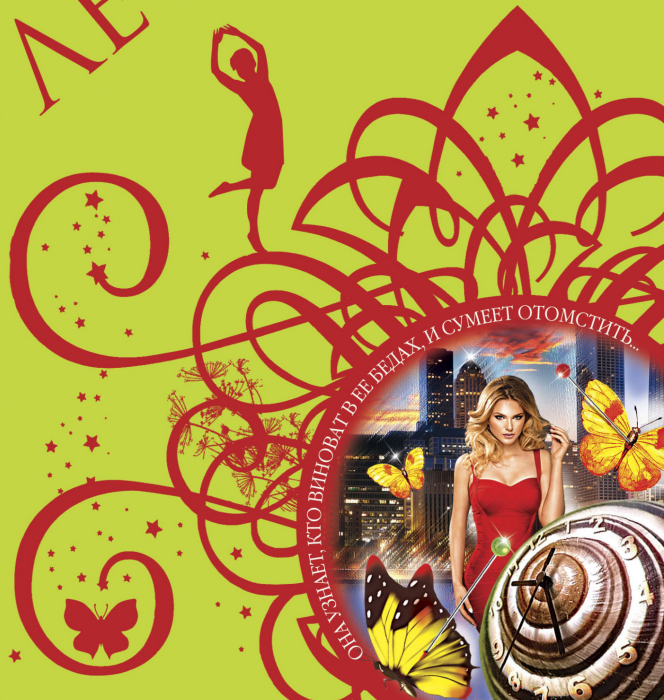

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

САД
МЕРТВЫХ
БАБОЧЕК

Антон Валерьевич Леонтьев

Сад мертвых бабочек

Серия «Авантюрная мелодрама»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68624066

Сад мертвых бабочек / Антон Леонтьев: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-177726-5

Аннотация

У Анжелы есть страшная тайна: спасая себя и детей, ее мать застрелила своего бойфренда-садиста. С тех пор семейство в бегах: скитается по большой стране, нигде надолго не задерживаясь. Но Анжеле и ее младшему брату трудно не привлекать к себе внимания: они мулаты. К тому же девушка растет красавицей, и это приносит одни неприятности, так что надеяться на тихую жизнь не приходится. Наконец в маленьком провинциальном городке Анжела находит и верного друга, и первую любовь, но вскоре из-за могущественных врагов теряет все, что ей дорого. Пройдет немало лет, прежде чем она узнает, кто виноват в ее бедах, и сумеет отомстить...

Антон Леонтьев
Сад мертвых бабочек

*У ночи четыре луны,
а дерево – только одно.
Как бабочка, сердце иглой*

– Лето-то в этот год какое дивное, – донеслось до Анжелы, остановившейся и с трудом переводившей дух. Она пыталась понять, где они оказались и куда им, собственно, бежать дальше. – Все в бабочках!

Бежать, чтобы спастись.

Голос шел откуда-то из-за растущих вдоль берега деревьев, надежно скрывавших от ее глаз невидимых отдыхающих. А ее, соответственно, от них.

Однако любопытство праздных туристов, которые в этот жаркий летний день расположились на берегу реки, было ее самой крошечной в этот момент проблемой.

Ее и Вальки.

– Мы от них оторвались? – спросил с дрожью в голосе Валька, ее верный спутник, попутчик по несчастью и...

И вероятно, ее первая любовь.

Анжела бросила быстрый взгляд на невысокого рыжеволосого вихрастого подростка, на усыпанном конопушками носу которого сидели огромные, с толстыми линзами, роговые очки из разряда «дедушкиных».

Неудивительно, что именно эти очки, впрочем, вкупе с начитанностью Вальки, его нелюбовью к дворовому футболу и хорошим отношением со стороны всех без исключения (разве что физрука) учителей их школы и сделали его постоянной и любимой мишенью местной шпаны.

Ну и она сама к этому тоже, надо отметить, имела некоторое отношение – к тому, что им этим летним днем пришлось

спасаться от местной шпаны.

Той самой, от которой они задыхаясь бежали вдоль реки куда глаза глядят.

– Не знаю, – ответила Анжела, потому что действительно не имела понятия, а в этот момент голос второго невидимого отдыхающего, точнее, отдыхающей (тембр был женский), наверняка развалившейся на мелком сероватом песочке импровизированного пляжика местной реки, произнес:

– Да, да, сколько их. Ух, смотри какая! Махаон, что ли?

– Да нет же, адмирал! И еще один! А тут вот желтенькая, лимонница, кажется. Смотри, сейчас на наш салат присядет.

– Лето в бабочках!

Ну да, они были правы: в тот год бабочек было невесть как много – разных, больших и маленьких, ярких и незаметных, с узорами и без, утренних, дневных и даже ночных.

В самом деле, *лето в бабочках*.

Что ни говори, а была прелесть в этом городке, где она оказалась вместе с мамой и младшим братом Никиткой. Не по своей воле.

А будучи в бегах.

Получается, что, сбежав в этот городок, ей *вновь* придется удирать – на этот раз от школьных хулиганов?

– Давай передохнем! – предложил Валька, физическая форма которого была далеко не так хороша, как у Анжелы. – Ну, ты, мать, и даешь – настоящий стайер, спортсмен на длинные дистанции. В марафоне участвовать не пробовала?

В голосе Вальки явно сквозило восхищение Анжелой. Что ж, она уже поняла, что он к ней равнодушен.

А вот *она* к нему?

Вокруг них порхали бабочки – невероятно большие и в нереально огромном количестве. Ну, прямо как в сказке или мультфильме!

– Еще бы, у тебя ведь такое в крови. Гены... Ведь самые быстрые бегуны на этой планете – кенийцы, ты ведь знала?

Анжела не знала и вдруг поняла, что момент, казавшийся ей волшебным, внезапно словно пошел кривыми острыми трещинами, как зеркало, по которому ударили.

Ну да, кровь... *Гены*. Валька же наверняка комплимент ей стремился сделать и похвалить хотел – да что там, и похвалил, сравнив ее выносливость и физические данные с кондицией лучших бегунов планеты.

А в итоге снова напомнил ей о том, почему они, собственно, здесь оказались.

На этой извилистой дорожке меж деревьев, около реки, окруженные порхающими бабочками.

Вот из-за этого и оказались: из-за рыжих вихров Вальки и из-за его толстенных очков (то есть из-за *его* генов), ну и само собой, из-за *нее*.

Нет, очков Анжела не носила, волосы у нее были черные, блестящие, вьющиеся – и им завидовали школьные красавицы. Как, впрочем, и ее грациозной, уже не детской, фигуре и длиннющим ногам идеальной формы.

Все бы, по мнению местной шпаны, ничего, если бы не одно но: гены ее отца, выходца из Африки, давали о себе знать, и Анжела была смуглее любой школьной красавицы, прожарившейся четыре недели подряд в Адлере.

Не заметив, что на лице Анжелы возникло скептическое выражение, впрочем, быстро исчезнувшее, Валька, протирая очки, заметил:

– Исккупаться бы сейчас, а то я взмок весь!

Ну да, Анжела, как и ее младший братик Никитка, везде были экзотами – еще бы, мать у них белая, а дети – темные.

Кто же тогда был их отцом?

Понятно, что этот вопрос занимал любого и каждого, где бы они ни оказались, но в большом городе, где они жили раньше, с этим было как-то легче.

А вот с тех пор, как они этим *летом в бабочках* оказались здесь, в этом городке у реки, затеряться в толпе стало весьма и весьма сложно.

Нет, не оказались – а *бежали*.

Впрочем, мама и сама это понимала: еще бы, таинственная красавица, белая женщина с двумя детьми, отцом которых однозначно являлся африканец, – это была троица, привлекавшая к себе самое пристальное внимание.

Как и тот факт, что у них, судя по всему, водились деньги, и это несмотря на то что мама толком не работала, а только подрабатывала.

Анжела знала, что еще до конца лета они снова отправят-

ся в путь – обычно на новом месте они задерживались не дольше полугода.

На это были *причины*.

Здесь, в этом полном неги и предрассудков провинциальном местечке, они вряд ли пробудут так долго. Учебный год закончился, и хотя в здешнюю школу Анжела ходила всего три месяца, ей этого здесь хватило.

Нет, им следовало отправиться дальше.

Вернее, конечно же, *бежать*.

– А что, давай! – согласилась Анжела, все всматриваясь в просвет между деревьями. Нет, в самом деле: оторвались!

Все ведь было очень просто: Вальку местные хулиганы шпыняли за то, что он рыжий, неспортивный и в уродливых очках. Ее же за то, что она была вместе с Валькой. А также за то, что перешла дорогу тому, кому не следовало.

Ну и конечно, потому что кожный пигмент у нее был не такой светлый, как у абсолютного большинства населения городка.

И, продравшись сквозь кусты, они оказались на берегу речки. Бабочки окружили их и здесь, словно пытаясь с ними познакомиться.

– Год бабочек является пиком цикла, обычно семи-, иногда девятилетнего, – сказал, стаскивая с себя майку, Валька. – Такое еще цикадам свойственно. Но если этот год будет *в бабочках*, то следующий, следуя непонятным законам, совсем без них – годом *без бабочек*!

Валька знал все и обо всех – его любимым чтением была «Большая советская энциклопедия», имевшаяся у него дома.

А также различные научные книжки, которые он таскал из местной библиотеки.

– А тогда скажи мне, какая здесь глубина, Эйнштейн! – крикнула Анжела, сбрасывая летнее платье и оставаясь в купальнике, а затем бросаясь в теплую, словно парное молоко воду.

И бабочки – они продолжали виться и над водой.

Валька, в черных трусах по колено, осторожно попробовав ногой воду, как будто был не июль, а январь, скрестив руки на груди, стал заходить в речку.

Анжела, помахав ему рукой, нырнула. Раскрыв под водой глаза, она увидела размытую изумрудную картинку – и подумала о том, что все в городке, собственно, начиналось не так уж и плохо.

Тогда, в середине весны, когда они с мамой и Никиткой прибыли сюда, находясь *в бегах*.

– Доброе утро, ребята, – произнесла молодая полная учительница, представляя Анжелу 9 «Б» классу. – В нашей школе появилась новая ученица, а у вас – новый товарищ по классу. Анжела Иванова.

Ребята, частично еще не выспавшиеся, жевавшие жвачку и даже слушавшие что-то из разряда хард-рока по плееру, как один уставились на новенькую.

Анжела к этому привыкла – еще бы, это же была не первая ее школа. И явно не последняя.

С тех пор как они оказались в бегах.

И во всех этих классах меняющихся школ, областей, городов и частей страны Анжела всегда волей-неволей оказывалась в центре всеобщего внимания.

Еще бы, ведь она мулатка, почти что негритянка!

Мама не любила *ни* одно, *ни* другое слово. Ведь первым обозначали потомство осла и кобылы, а второе вообще было расистским выраженьицем.

Во всяком случае, на Кубе, родине ее отца, которого Анжела не знала и который, как заявляла мама, был там *сыном одного крайне важного человека*, более того, сына ближайшего соратника самого Фиделя Кастро.

С будущим отцом ее детей мама познакомилась во время его учебы в Москве, откуда он по приказанию своего высокопоставленного папочки был вынужден уехать обратно в Гавану, оставив свою русскую любовь на сносях, потому как ему самому надлежало жениться на девушке своего класса, то есть представительнице местной партийной элиты.

– Ну, Анжела, не стесняйся, расскажи нам о себе! – приободрила ее учительница. А Анжела, которая ничуть не стеснялась (потому что за прошедшее время уже отрепетировала историю, которую она презентовала в каждой своей новой школе), улыбнулась и обтекаемыми фразами, к которым давно привыкла, поведала о том, что *они переехали из-за новой*

работы мамы, что она рада оказаться в новом коллективе, что новое место пришлось ей по душе.

В общем, как водится, сплошное вранье.

Когда она завершила, то один из одноклассников потянул руку.

– У меня вопрос, Марина Федоровна! Очень важный!

– Ну, Ахтюбин, задавай уж. Только без твоих вечных шуточек.

Анжела и по виду этого типка могла бы с уверенностью сказать, что это местный клоун: навидалась подобных она уж предостаточно.

– А почему если ты рабыня с плантации Алабамы, то фамилия у тебя Иванова? Должна ведь быть *Джонс!*

К шуточкам и оскорблениям, сводившимся к цвету ее кожи, Анжела уже *тоже* давно привыкла.

Класс грохнул, а учительница, покрываясь бордовыми пятнами, зашумела.

– Можно ответить? – спросила лениво Анжела, и когда раскудахтавшаяся Марина Федоровна наконец смолкла, ответила:

– Мой отец – не раб и никогда им не был. Он – сын одного из ближайших сподвижников Фиделя Кастро. Увы, он умер очень молодым.

Тут она приврала, но последние полтора года жизнь их семьи состояла из сплошного вранья, так что не так-то и страшно.

Тем более в сказочку о том, кем являлся ее отец, Анжела раньше верила безоговорочно, но в последнее время стала сомневаться: уже не потчует ли ее мама романтическими рассказами, как она сама потчует сейчас оными притихший класс?

– Круто! – произнес кто-то в восхищении, а Анжела вздохнула:

– Нет, не круто, конечно, когда твой отец умер, но что поделать. Я его не помню.

А вот это уже была *чистая правда*.

Понимая по сверкающим глазам новых одноклассников, что симпатии полностью на ее стороне, Анжела нанесла финальный удар. Расистам, как учила ее мама, нельзя давать спуску, а этот местный клоун Ахтюбин был сущий расист, хоть и пока юный.

– Кстати, если хочешь избавиться от своих ужасных прыщей, то можешь обратиться к моей маме. Она сделает по старинному кубинскому рецепту такую протирку, что у тебя враз все пройдет. А то, наверное, самому в зеркало смотреться неприятно, да и девушки на тебя не заглядываются. И не только девушки...

Класс снова грохнул, а клоун Ахтюбин, лицо которого, в самом деле, было густо покрыто угрями (что, не исключено, и заставляло его вечно хохмить, пытаясь это компенсировать), не спрашивая разрешения, пулей выбежал из класса.

На перемене к ней подплыла высокая блондинка, в ушах которой сверкали явно не стразы.

– Меня Зоя зовут. Ловко ты этого идиота уделала! У меня отец – прокурор нашего города. И на выходных я отмечаю свой день рождения. Ты же придешь?

Зоя, как узнала Анжела на этом самом дне рождения, где стала объектом повышенного внимания не только приглашенных подростков, но и взрослых, была некоронованной королевой не только класса, но и всей школы.

Еще бы, имея более чем влиятельного папу (который преподнес ей на пятнадцатый день рождения шикарное кольцо с небывалым камнем), можно было стать и королевой коронованной.

И таких, как Зоя, Анжела также видела-перевидела: избалованные и туповатые, они всегда искали экзотики, которая могла бы оттенить их собственную красоту – но заполучить их во враги было бы *крайне* неразумно.

Крайне неразумно, тем более если у такой вот королевы папаша – прокурор.

Анжела делать Зою своим врагом не намеревалась, тем более что на первых порах они очень даже хорошо понимали друг друга.

До летних каникул оставалось всего ничего, а потом, к осени, их – мамы, Никитки и ее самой – в этом городке уже и след простынет.

О чем, конечно же, никому знать не требовалось.

И уж точно *не* дочке прокурора.

Но эта Зоя оказалась особой приставучей и, главное, привыкшей получать то, чего она желала.

А желала она в данный момент одно: экзотическую и такую *другую* Анжелу в свои лучшие приятельницы.

Анжеле это претило, но делать было нечего – в ее планы не входило настраивать Зою против себя.

Так бы все и завершилось: *ничем*, и однажды дочка прокурора узнала бы, что Анжела с семьей уехала из городка, так с ней и не попрощавшись.

Ну, погоревала бы и забыла – или даже *не* погоревала бы.

Но, как назло, у Зои имелся ухажер – местный спортсмен Кирилл старше ее на два года.

Анжеле практически с первой встречи с Кириллом стало понятно, что он положил на нее глаз. А когда он, так театрально лебезивший перед Зоей и в особенности перед ее папашей, вдруг начал приставать к Анжеле, та оттолкнула его и сказала:

– Не забывай, я – несовершеннолетняя!

Спортсмен Кирилл загоготал:

– Что за совпадение, я – тоже! Ну, мулатка-шоколадка, не ершись, дай от тебя немного откусить...

Анжела заехала ему по губам тыльной стороной ладони – несильно, но хватило, чтобы брызнула кровь.

– Ты что, сдурела? – завопил спортсмен, а Анжела честно

ответила:

– Еще нет, но могу, если не сбавишь обороты. И вообще, все Зое расскажу!

Делать этого она не намеревалась, но угроза, кажется, подействовала: Кирилл перестал к ней лезть, обращаясь с ней как с пустым местом.

И на том спасибо.

– А что у Кирилла с губой? – спросила в следующий раз Анжела, когда встретилась с Зоей и ее ухажером.

Губа некрасиво распухла, отливая фиолетовым.

– На тренировке заработал, мой спортсмен! – заявила не без гордости Зоя.

Анжела не стала задавать вопрос, *что* же именно Кирилл тренировал, а протянула ему плитку шоколада.

– Для больного спортсмена! – сказала она голосом не менее сладким, чем шоколад, который она презентовала Кириллу.

На обертке шоколадки была изображена знойная чернокожая танцовщица, и называлась сия сладость «Мулатка-шоколадка».

Заметив ее в киоске, Анжела не устояла перед соблазном приобрести эту вкусность с расистским названием и вручить ее страждущему.

Тому самому, который травму губы на тренировке заработал.

– Кирюша, как это мило со стороны Анжелы! Ну, не дуй-

ся, скажи ей спасибо!

Кирюша, кажется, пытался испепелить ее взглядом, но не получилось.

Если бы на этом «обмене любезностей» все и закончилось, то ничего бы страшного, в сущности, и не произошло.

Увы, *не закончилось*.

Так как Кирилл больше внимания к ней не проявлял, Анжела решила, что опасность миновала.

Как бы не так.

В один из последних учебных дней кто-то кинул ей на парту записку. Оказалось, что от Зои, которая просила ее подгresti к старому, неработающему, спортзалу, в котором по вечерам проходили курсы шейпинга.

Самой Зои в тот день в школе не было – «заболела». Хотя шептались, что просто вместе с родителями поехала осматривать новый особняк, который они намеревались купить.

Только когда Анжела вывернула из-за угла старого спортзала, поняла, что Зоя тут ее не ждала и никакой записки, соответственно, ей не писала.

Там ее ждал ухмыляющийся Кирилл (губа уже полностью зажила), а также его накачанные дружки.

– Вот она, мулатка-шоколадка! – заявил он со смехом. – Сама пришла!

Анжела развернулась, чтобы убраться прочь, но поняла, что дорогу ей преградили приятели Кирилла.

– Кстати, твою шоколадку я тогда слопал с удовольствием. Посмотрим, сумеешь ли ты доставить нам такое же, мулатка-шоколадка! Парни, хватай ее!

И хотя Анжела сопротивлялась, извивалась и даже кусалась, силы были явно неравные – и дружки Кирилла, скрутив, втащили ее в спортзал, залитый полуденным солнцем. Анжела кричала, но никто, кажется, ее не слышал. Только мелькнули где-то за углом рыжие вихры – и столь же молниеносно пропали.

Бросив ее на пропахшие многолетней пылью маты, разгоряченные спортсмены окружили ее плотным кольцом.

– Учтите, я – несовершеннолетняя! – заявила Анжела. – Вам всем знаете какие сроки дадут?

Выступивший вперед Кирилл заявил:

– Да ладно, никто тут тебя насиловать не намеревается! Ты для нас стриптиз исполнишь!

– *Что?* – переспросила Анжела, а Кирилл, рванув бретельку ее сарафана, под которым обнажилась ее грудь, заявил:

– Ого, а наша мулатка везде шоколадка! Давай, спляши, у тебя же ритм в крови.

Ну да, конечно: раз у ее отца африканские корни, то она просто *должна* автоматически лихо отплясывать все танцы всех народов мира, вероятно даже, и Крайнего Севера.

– Может, все же гопака? – осведомилась Анжела, прикрывая грудь.

Кто-то из парней хмыкнул и произнес:

– Кирюх, ты это, того, полегче. Ну, напугали, и все тут. Не нужны нам тут неприятности...

Анжела энергичным кивком головы подтвердила:

– Ой как *не* нужны. А они будут, если немедленно не расступитесь и не отпустите меня.

Раскрасневшись, спортсмен Кирилл, явно желавший ей отомстить, заорал:

– Парни, мы же не трахать ее будем, это было бы, само собой, преступление. Она нам просто стриптиз устроит. Голой!

И, обведя всех притихших товарищей взглядом, произнес:

– *Негритянский стриптиз!*

Анжела решила, что кукиш на постном масле он получит, а не стриптиз.

– Учтите, это тоже статья Уголовного кодекса! – пригрозила она.

Кирилл рявкнул:

– У меня будущий тесть – прокурор города. Ничего никому не будет, парни, это я обещаю.

И, вцепившись в плечо Анжелы, сорвал вторую бретельку.

– Остальное сама снимешь. Ну, давай, исполняй для нас стриптиз, мулатка-шоколадка! Давай же!

Подзадоривая своих соучастников, Кирилл стал хлопать в ладоши:

– Ну, давай же, мулатка-шоколадка, сисей потряси, писю покажи!

Несколько субъектов присоединились к нему, скандируя этот идиотский лозунг подростков, в чьей крови кипели гормоны, а в мозгах – расистские стереотипы.

– Начинай черный стриптиз для белых парней! Мулатка-шоколадка, сисей потряси...

Анжела дала себе слово – пусть что хотят с ней делают, но устраивать стриптиз для этих разгоряченных молодчиков она не будет.

– Что тут происходит? – раздался громовой голос, и юные любители черного стриптиза вдруг бросились врассыпную.

На пороге спортзала стоял облаченный в свой вечный зеленый спортивный костюм физрук, а из-за его спины боязливо выглядывал рыжий очкарик из параллельного класса.

Так как молодые люди были заняты тем, чтобы, подобно болотной нечисти, застигнутой криком петуха в церкви, где гоголевский Хома отпевал грешную Панночку, кто как, в основном через черный ход и окна, вылезти наружу, а Кирилл, будто не желая переступить через меловой круг, замер с открытым ртом, ответ дала Анжела, скрестившая на груди руки.

– Сеанс черного стриптиза от мулатки-шоколадки для будущего зятя прокурора города и его похотливых приятелей. Можно вызвать милицию, я хочу подать заявление?

Мама ее ругала – за то, что подала-таки заявление и привлекла к своей персоне внимание милиции города.

– Мамочка, не ругайся, прошу тебя! – Пятилетний Никитка прижался к матери, и та в самом деле замолчала.

Братец хитро посмотрел на сестрицу – он был маминым любимчиком и умел этим пользоваться.

Хоть отцы у них были разные, любила Анжела Никитку до безумия. Как, впрочем, и маму, которая хоть и могла повопить, но быстро брала себя в руки – да и ведь по делу устроила ей головомойку.

– А что, мне надо было позволить этой шобле изнасиловать меня? – спросила с вызовом Анжела.

Никита, мальчик любознательный, тотчас спросил у матери:

– Мамочка, а что такое *изнасиловать*?

Мама, начисто проигнорировав его вопрос, заявила:

– Не надо связываться черт знает с кем! Сколько же раз говорила тебе!

– Я с ними и не связываюсь, это они со мной решили связаться. И желали, чтобы я им стриптиз исполнила – *негритянский* стриптиз!

Никитка не остался в долгу.

– Мамочка, а что такое *стриптиз*? А можно я его тоже исполню?

Ходу делу не дал папаша Зои, прокурор города, и маму Анжелы официально проинформировали, что в возбуждении дела отказано за *отсутствием состава преступления*.

Но это было уже позже, когда в предпоследний день шко-

лы Зоя, похожая на фурию, подбежала к Анжеле и, закатив ей оплеуху, завизжала:

– Ты что творишь, *негритоска*?

Перехватив ее руку, которой дочка прокурора явно желала ударить ее снова, Анжела заметила:

– Лучше ты скажи, что ты творишь, *подружка насильника*?

Опешив, Зоя смолкла, однако через пару мгновений пришла в себя.

– Ты оклеветала моего Кирюшу, выставив его исчадием ада!

– Ну, зачем его выставять, если он и в самом деле такой. Он и его перекачанные дружки.

– Заткнись, негритоска! Иди собирай хлопок на плантации штата Алабамы!

Ну да, как же все просто: чуть поскреби такую Зою, и тотчас проявится ее расистское нутро.

– Хлопок растет в штате Миссисипи, если мне память не изменяет.

– *Чего?*

Пока Зоя пучилась на нее, на помощь пришел тот рыжий парнишка в очках, который, став свидетелем нападения на Анжелу около старого спортзала, и кинулся к физруку.

Поправив очки, Валька (а это был именно он) менторским тоном произнес:

– Плантации хлопка простирались в основном на терри-

тории штатов...

Зоя укусила Анжелу за руку.

То, что последовало за этим, вошло в анналы школьной истории – впрочем, как и инцидент в старом спортзале.

Когда примчавшийся шофер могущественного папочки забирал всклокоченную и расцарапанную Зою, пытаясь за-пахать ее в нутро «Мерседеса», та вопила, грозя Анжеле:

– Я тебе это попомню, негритоска! Твое место на плантации, а не среди нормальных белых людей! Я превращу твою жизнь в ад! Если думаешь, что после каникул сможешь заявиться в школу, то глубоко ошибаешься. Я тебя закопаю, негритоска!

Анжела не стала информировать разбушевавшуюся и исходившую расистскими ругательствами дочку прокурора, что после каникул в эту школу она, конечно, не вернется.

И что случившееся в старом спортзале заставило маму принять решение о том, что они в ближайшие недели уедут из этого городка, чтобы никогда в него не возвращаться.

Продолжат свое бегство.

– Спасибо, – сказала Анжела, когда Зою увезли прочь и буча улеглась. Она обращалась к своему рыжеволосому спасителю в очках.

– Да не за что! – Тот залился красной краской. – Меня зовут Валя, а тебя ведь Анжела?

И так как надо было с кем-то проводить дни, остававшиеся до их нового переезда (вернее, *продолжения их бегства*), то Анжела позволила Вальке пригласить себя в кафе на набережной.

Ну да, так и есть, этот рыжеволосый подросток втюрился в нее, что Анжеле было весьма неприятно. Нет, совсем не потому, что парень в нее влюбился, а потому, что он и не подозревал: очень скоро они расстанутся навсегда.

С Валькой было просто, спокойно и интересно. Он мог выгружать из недр своей памяти разнообразные факты и подавать их не сухо и утомляюще, а с огоньком.

– Знала ли ты, Анжела, что твое имя происходит от латинского, заимствованного через французский «ангела»?

– Ну да...

Мама всех уверяла, что Анжела, вернее, *Анхелес*, как гласит испанский вариант, это имя матери отца Анжелы, сына того самого ближайшего сподвижника Фиделя Кастро.

А сама Анжела в этом в последнее время очень даже сомневалась.

– А знаешь ли ты, Анжела, какие существует виды ангелов?

– С крыльями и без?

Валька оживился.

– Ну, начнем с серафимов. Среди них водятся, если верить легендам, шестикрылые. А знаешь, почему крыльев именно шесть?

Этого Анжела, конечно же, *не* знала, как и того, какая самая глубокая точка Индийского океана, кто выдумал Ктулху, когда варвары разграбили Рим, когда был основан Мариуполь, в каком городе мира располагается самое большое по площади кладбище и чем ДНК отличается от РНК.

Прогуливаясь с презентовавшим ей все новые и новые удивительнейшие сведения об этом *лучшем из миров* (согласно, как теперь была в курсе Анжела, немецкому философу Лейбницу), Анжела вдруг поняла, что уезжать из этого провинциального городка, полного неги, бабочек, похотливых юных спортсменов и истеричных дочек прокурора городка ей не очень-то и хочется.

А может, даже и совсем *не* хочется!

За время их перемещения из одного города в другой (ну, то есть их *бегства*) она научилась многому, а в том числе не заводить друзей.

Конечно, всегда имелись люди, с которыми было приятно общаться. Или не очень. Или совсем даже неприятно.

Но если наклеывалась дружба, то Анжела по наущению мамы не давала ей развиваться и тем более укорениться.

Потому что будет сложнее уезжать, оставляя человека, к которому прикипел душой. Да и существовала опасность, что она проболтается об истинной причине их...

Их вечного бегства.

А причина была совсем даже не праздная. Ведь ее мама *убила человека*. И Анжела была сама тому свидетелем.

А вот Валька, этот рыжеволосый ходячий том энциклопедии в очках, стал вдруг именно тем, кому ей захотелось довериться.

Он умный и, что важнее, он обладает эмпатией (что это такое, Валька же ей и растолковал, и Анжела, давно искавшая объяснения этому понятию, поняла – да, *оно самое!*).

И девушка была уверена: он не только не проболтается, но и даст дельный совет.

И пусть ему, как и ей, пятнадцать – по своим рассуждениям он гораздо более зрелый, чем многие взрослые.

– Знаешь, мне надо тебе кое-что сказать...

Анжела прервала Вальку, как раз взхлеб вещавшего о различных теориях о смерти Гитлера в бункере (а также о том, что никакой смерти не было и что фюрер удрал на подводной лодке в Южную Америку, на летающей тарелке на обратную сторону Луны или спустился через тайный ход в Антарктике в полуию Землю), и тот быстро произнес:

– А я ведь ждал, что ты решишься!

Анжелу словно током ударили. *Он знал?* Ну уж нет, ничего Валька знать не мог, но, с учетом его проницательности, наверняка предполагал.

Что Анжела, ее мама и ее младший брат *совсем не те*, за кого себя выдают, и что в город их привела *отнюдь не* новая работа мамы, которая по полдня три раза в неделю трудилась в маникюрном салоне.

– *Знал?* – спросила перепуганно Анжела, и Валька расхо-

хотался.

– Это как в хрестоматийной истории о том, что некто разослал десяти столпам общества в городишке наподобие нашего анонимные послания с фразой «Все вскрылось, ваше единственное спасение – немедленно бежать!». И восемь из десяти в самом деле драпанули. Девятый не смог, так как его по прочтении новости разбил паралич.

– А *десятый*? – спросила Анжела.

Валька пристально взглянул на нее.

– А десятой была женщина. И, в отличие от девяти мужчин, она не стала паниковать и, с усмешкой, зная, что никто не мог узнать ее тайн, разорвала послание, выбросила его в горящий камин и отправилась ужинать к своему богатому супругу, то ли пятому, то ли даже восьмому, который вскоре после этого скоропостижно скончался, оставив все свои миллионы ей, безутешной вдове...

Анжела перевала дух. Он что, *действительно* знал?

Знал, отчего они находятся в вечных бегах?

– Так *что* ты хотела мне сказать?

Анжела все раздумывала. Открыться ему или нет?

И вот она приняла решение.

– Понимаешь, дело в том, что мы с мамой и братом не просто так приехали сюда. Мы... Мы часто переезжаем из города в город, потому что...

Она сделала паузу, собираясь с мыслями, а в этот момент вдруг что-то пребольно ударило ее под лопатку.

Обернувшись, Анжела заметила по другую сторону дороги группку великовозрастных типков, в которых сразу можно было распознать хулиганов, один из которых целился в нее из рогатки.

– Эй, рабыня с хлопковой плантации и ты, очкастый урод, стоять! Мы сейчас вас приголубим...

К счастью, автобус, который как раз катился по дороге, встал на светофоре, надежно отгораживая их от местного хулиганья.

Валька схватил девушку за руку.

– *Бежим!*

– С какой стати? – возмутилась Анжела. – Я милицию позову!

– И она их отпустит, поверь мне. Это ребятки Длинного, местного мелкого уголовника, который явно норовит выйти в большие.

– Да хоть Короткого! Вон там милиционер прогуливается, я ему скажу...

Валька потащил ее вниз по лестнице, к реке.

– Ты помнишь, чем закончился твой поход в милицию? Папочка Зойки все замял. Он тут всем городом заправляет, и этим милиционером, поверь, тоже.

Ну да, Зойка, которая грозилась сделать ее жизнь адом!

– Так это она их на нас натравила?

– Вернее, ее папочка, который поддался на капризы своей единственной дочурки. Она из него веревки вьет. Ну, идем.

Иначе люди Длинного из нас тоже веревки совяют, потому что им явно дали поручение...

Ну да – поручение *превратить их жизнь в ад*.

До них донеслись вопли шпаны:

– Эй, рабыня с плантации и очкастый урод, вы где? Парни, ройте землю копытом, но найдите их! Иначе клиент будет недоволен.

Позволяя Вальке тащить ее дальше, Анжела заметила:

– Но если моя милиция меня не бережет, а прокуратура в кармане у папочки Зойки, то что делать?

И Валька сказал то же самое, что произнесла мама, когда Анжела тогда, после того самого происшествия, задала ей подобный вопрос.

– *Бежать!* Причем не останавливаясь и как можно быстрее.

В тот день они именно так и сделали – хорошо, что Валька не только местный уроженец, но и любитель изучать планы городских улиц, знал, как им лучше уйти от погони.

Уже стемнело, когда он проводил Анжелу домой, на съемную квартиру в одном из центральных районов города. Жилье там было недешевое, но ведь деньги у них имелись.

Причем всегда.

Валька все опасался, что около квартиры будет засада людей Длинного, но ничего подобного не оказалось и в помине.

Мама, заплаканная и одетая кое-как, распахнула дверь и,

окинув дочь долгим взглядом, перевела взор на Вальку.

– Ага, вот и ты со своим ухажером! А ты знаешь, что мне звонили и сообщили, что ты... Что ты *в морге!*

Валька уверенно заявил:

– Точно проделки людей Длинного, ну или кого-нибудь по поручению отца Зойки. Если им известен ваш номер телефона, то они в курсе, где вы живете. Что и логично, ведь эту информацию они могли получить от милиции, куда Анжела подала заявление, и даже из школы, директриса которой не будет перечить прокурору города!

Уставившись на Вальку, мама спросила:

– Это что за Шерлок Холмс?

Валька важно ответил:

– Предпочитаю Эркюля Пуаро, но не могу похвастаться его шикарными усами.

– Мамочка, а кто такой *ухажер*? – влез в разговор подоспевший Никитка, всегда тут как тут. – Он исполнит для нас *стриптиз*?

После долгого приступа всеобщего веселья они пили чай, а прощаясь, Валька в прихожей заметил:

– Ты ведь, кажется, хотела что-то мне сказать? Ну, перед тем как мы бросились в бега...

Ну да, хотела: что в бегах они уже давно – мама, братец и она сама.

– Давай в другой раз, – сказала Анжела тихо, уверенная, что мама, оставшаяся в гостиной, вслушивается в каждое их

слово.

– Конечно. Я завтра с утра зайду за тобой? Вам бы без надобности из квартиры не выходить, а лучше всего переехать, да побыстрее...

Когда он ушел, мама заявила:

– Втравила ты нас в историю, дочка!

Анжела не стала ей напоминать, что *если* кто и втравил, так это сама мама.

– Надеюсь, ты ничего своему хахалю не сказала?

– Мамочка, а кто такой *хahаль*?

Никитка, как водится, влез в разговор взрослых.

– Ничего! Но он может нам помочь.

Мама отрывисто рассмеялась.

– Кто? Этот сопляк? Каким, интересно, образом? Он что в жизни понимает?

– Ну ты, например, понимаешь, но ведь от этого не легче.

А Вале можно доверять.

– Доверять нельзя никому!

– Ему можно!

Удаляясь в ванную, мама заявила:

– Никому! И уж точно не твоему хахалю!

А любопытный Никитка не унимался:

– Так кто же такой *хahаль*?

Когда Валька забрал Анжелу, как и обещал, на следующее утро, то первым делом сообщил:

– Люди Длинного ошиваются неподалеку от вашего дома.

И показал ей на нескольких гопников, которые, сидя на корточках, курили у соседнего подъезда.

– А теперь побежали!

Впрочем, гопники за ними не бросились, и Анжела с Валькой (благо школа закончилась) провели весь день в парке развлечений.

А когда подошли к дому Анжелы, то заметили знакомый темный «Мерседес». Валька хотел снова скрыться, но Анжела сжала его руку.

– Это мой дом, мне не от кого прятаться.

Хотя прекрасно знала, от *кого* они вот уже полтора года прячутся: мама, братец и она сама.

Она сама подошла к «Мерседесу» и постучала по тонированному окошку. Когда стекло уехало вниз и показалась лощеная физиономия шофера, того самого, который запикивал в недра этого же «Мерседеса» Зойку, Анжела сказала:

– Добрый вечер, рада снова вас увидеть. Вас прислала Зоя?

Шофер, явно не ожидая такого поворота, сунул ей в руки коробку.

– Вот, вам велено передать! С наилучшими пожеланиями.

И с визгом шин дал по газам.

Анжелу подмывало узнать, что же находится в коробке, хотя она понимала, что *ничего хорошего* и приятного там быть изначально не может.

– Не открывай! – заявил Валька. – А то там не только дох-

лая крыса может лежать, но и бомба!

– Думаешь, они на такое пойдут?

Коробку они сунули в урну.

А когда под утро на улице полыхнуло и, как выяснилось, именно эту самую урну разворотило полностью, то Анжела убедилась: да, *вполне* смогли.

– Но это же попытка убийства!

– Скорее всего, не убить хотела, а покалечить.

– И ее папаша-прокурор все знает и покрывает?

– Думаю, даже и направляет. Потому что люди Длинного его сумасбродную дочурку слушать, конечно же, не стали бы, а вот самого папашу...

– Но что же тогда делать?

Валька усмехнулся:

– *Бежать!*

Ну да, он был прав. И мама заявила, что они в ближайшие дни покинут город.

– И куда на этот раз? – спросила ее Анжела.

– Не беспокойся, страна даже после распада Союза все еще большая, всегда найдется куда переехать.

– Мамочка, а мне здесь нравится! – встрял в разговор Никитка. – Тут салют по ночам, а не только по праздникам.

Прижав к себе братца, Анжела поцеловала его в темные кудряшки.

– И мне тоже, мама.

– Тебя тут убить хотели, а тебе тут нравится?

– По крайней мере, у меня тут есть не только враги, но и друг...

Валька.

Мама вздохнула:

– Понятно, твой хахаль. Он, может, и неплохой или даже очень хороший, но с ним придется расстаться.

– А если я скажу нет?

– Что значит – скажешь нет? Я уж заплатила хозяйке за два месяца вперед, чтобы не бурчала, мы на следующей неделе съезжаем.

– Сестренка, не плачь! – заявил Никитка, заметив слезы в глазах Анжелы. – А может, твой хахаль поедет с нами? Мамочка, ты ведь не против?

– Так ведь ты мне хотела что-то сказать. Кажется, что-то важное. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление.

Они снова были в кафе на набережной – царил жаркий солнечный день.

– Мы уезжаем.

– Когда?

Голос у Вальки предательски задрожал.

– Скоро.

Она не стала говорить ему, что не позднее следующей пятницы.

– И вы не вернетесь?

Анжела отрицательно качнула головой. Они никогда не возвращались туда, где уже были.

– Это из-за... Зойки и бомбы?

Ну да, отчасти из-за этого, сей инцидент намного ускорил их отъезд, но они бы покинули городок и без него.

Девушка вздохнула. Ни да, ни нет. Врать Вальке не хотелось.

– Ну хорошо, но ведь есть что-то еще, ведь так?

Анжела снова вздохнула и наконец произнесла:

– Есть. Но я не могу сказать, что именно. Хотя очень хотела бы. Потому что это не моя... *не* моя тайна...

– Понимаю. Не твоя, а твоей мамы?

Анжела кивнула. Она отодвинула пустую вазочку из-под мороженого.

– Это серьезно?

Анжела вновь кивнула.

– А милиция, правоохранительные органы...

– Такие, как отец Зойки?

Валька помолчал.

– Вы ведь от чего-то бежите? Точнее, от *кого-то*?

Ну да, большой поклонник Эркюля Пуаро допер до этого самостоятельно.

Анжела ничего не ответила.

– Но вы же не можете быть в бегах вечно, не так ли?

Это она маме уже говорила, но та и слушать ничего не

хотела.

– Значит, мы больше никогда не увидимся? – произнес странным голосом Валька.

Анжела решила:

– Знаешь, мой братец спросил, не можешь ли ты... Не можешь ли ты бежать с нами?

Валька задумался:

– Не думаю, что это так уж понравится моим родителям. Но в целом и общем идею стоит обмозговать. А вы куда собираетесь?

Мама говорила что-то о Дальнем Востоке – может, сразу в Северную Корею? Там уж *точно* никто не найдет!

– А мы можем... Можем остаться друзьями по переписке?

Анжела почувствовала, что слезы душат ее. Она выбежала в туалет, где глухо рыдала, обхватив рукой умывальник.

Ну да, друзьями по переписке – чтобы слать друг другу письма, которые никогда не достигнут адресата?

Приведя себя в порядок, она вернулась обратно – и обомлела. Все остальные посетители исчезли, и не без причины. Валька был не один, а в компании гогочущих гопников, людей Длинного, которые, забросив ноги на стол и раскачиваясь на стульях, с хлюпаньем пожирали из стеклянных вазочек мороженое. На лице продавщицы за буфетной стойкой был запечатлен панический ужас.

Один из гопников, в белой кепочке, вероятно, главный,

прогносуавил:

– О, вот и наша рабыня с плантации! Ну, отлично, можем прогуляться, побалакать...

Поправив очки, Валька сказал:

– А платить?

– Чё, очкастый?

– Думаю, что все же стоит заплатить, иначе это может привести к неприятностям...

Главный гопник, намеренно швырнув на пол вазочку из-под мороженого, сказал:

– Ой, какой я неловкий! И за это тоже заплати. И за это, и за это...

Он и его подельники планомерно расколотили все пустые вазочки, а главный заявил, обращаясь к перепуганной продавщице:

– Очкастый за все заплатит! И еще, тетя, на чаевые даст!

– Анжела, не могла бы ты мне занять своей наличности... – произнес громко Валька.

Гопники загоготали.

– Очкастый, ты что, бабу заставляешь платить? Ну, не мужик ты, а так, огородное пугало на швабре!

– Анжела, подойди, *пожалуйста*, – произнес ровным тоном Валька, и девушка, у которой не было наличности (о чем Валька, конечно же, знал), понимая, что так надо, медленно приблизилась к стойке.

Пока гопники шумели, поливая Вальку грязью и отпуска-

ли малопрстойные замечания в адрес Анжелы, Валька, делавший вид, что копошится в своем кошельке, тихо спросил у перепуганной продавщицы:

– У вас черный ход есть?

Та, явно не понимая, вытаращилась на Вальку.

– *Черный ход*, – произнес он мягко, но настойчиво. – Он у вас есть?

Та кивнула и тыкнула пальцем в сторону подсобных помещений.

– Да, там, но он закрыт.

– Отлично. Но не так громко. Ключ у вас есть? Тогда дайте его мне, *пожалуйста*.

Продавщица, наконец начав соображать, вынула из кассы ключ и положила на прилавок. Валька накрыл его своим кошельком.

– Эй, очкастый, еще долго? Вы что там, в цене разобраться не можете? Так ты еще и жадный! Ну, плохо тебе придется. А вот тебе, рабыня с плантации, будет очень хорошо, *очень-очень...*

– Спасибо, – сказал Валька и, не глядя на Анжелу, произнес:

– А теперь упади в обморок.

– Что?

– Упади в обморок, *пожалуйста!*

Еще раз повторять не пришлось – Анжела, приложив запястье к голове, громко произнесла:

– Ой, что-то все перед глазами у меня плывет...

И, смежив веки, начала валиться.

Валька подхватил ее и очень тихо шепнул:

– Какой актерский талант в тебе погибает! Почти как в императоре Нероне!

При чем тут император, к тому же Нерон, Анжела понятия не имела, но не сомневалась, что Валька, если спросить, обязательно расскажет.

Она и спросит.

– Продолжай и дальше так.

И громко заявил:

– Ну что, добились того, что девушка от духоты и испуга сознание потеряла? Вызывайте «Скорую»!

Возникла легкая паника, видимо, подобного развития событий в сценарии гопников предусмотрено не было.

– Эй, никакой такой «Скорой»! Она не прикидывается? Дай проверю!

Анжела почувствовала, как Валька несет ее куда-то.

– Ты кто, врач или хотя бы фельдшер? Тогда не лезь!

– Эй, очкастый, ты что вякнул, блин...

– Ей нужна квалифицированная медицинская помощь. Или хотя бы дайте ее в подсобку занести и там в чувство привести.

Кто-то дурашливым голосом предложил:

– Так мы и сами можем в чувство привести, так ведь, парни?

Анжела ощутила, как Валька, отдуваясь, несет ее куда-то.

– Не тяжело? – спросила она участливо, и тот ответил:

– Да ничего, пойдет.

А через несколько мгновений произнес:

– Ладно, «приходи в себя».

И осторожно поставил ее на ноги.

Девушка, осмотревшись и поняв, что они находятся в полутемном подсобном помещении, чмокнула Вальку в щеку.

– Спасибо.

Зардевшись, тот ответил:

– Еще не за что. Но нам нечего время терять. Они ведь скоро и сюда заявятся. Правда, нас тут уже не будет.

И потянул Анжелу вслед за собой к массивной металлической двери.

– Черт! Ключ не подходит! Похоже, она мне не тот дала!

В голосе Вальки, который возился с ключом, сквозило полное отчаяние.

Анжела, которая в стрессовых ситуациях головы не теряла, взяла у него ключ, повертела и с легкостью вставила его в замочную скважину.

– Как у тебя получилось? – ахнул Валька, а Анжела ответила:

– Да так.

Дверь распахнулась, выпуская их на волю.

Анжела протянула Вальке руку и сказала:

– Ну что, *побежали?*

Так в тот день они оказались у поросшего лесом берега реки, хотя до этого бежали по набережной, а вслед за ними – гопники, которые, сообразив, что их одурачили, пустились за ними вслед.

Набережная быстро закончилась, пошли заросли, среди которых вилась тонкая тропинка, над ней вились бабочки.

– Сюда, сюда! – сказал уверенным тоном Валька. – Так мы к старому консервному заводу выйдем. Ну, я так думаю...

Они в самом деле какое-то время бежали вдоль покосившегося забора, за которым возвышались заброшенные цеха, а потом снова вышли к реке.

Гопники, хоть и поотстав, все равно не прекращали преследования.

А бабочки вились в воздухе, подобно конфетти на новогоднем празднике.

...Вынырнув, Анжела повернула голову, пытаясь отыскать Вальку. Он, кажется, тоже нырнул, но вот почему-то еще не вынырнул.

Внезапно ей сделалось страшно.

– А вот и я! – раздался позади нее веселый голос, и в лицо Анжеле, повернувшейся на него, полетели мириады брызг.

– Вот как! Ну, держись!

Анжела тоже заколотила руками по зеркальной поверхности воды. И, хохоча, они продолжали дурачиться.

Внезапно веселье прекратилось, потому что Валька вдруг озабоченно произнес:

– Они нас все-таки нашли!

Взглянув по направлению к берегу, Анжела увидела нескольких гопников, которые с ухмылкой махали им, держа в руках их одежду.

– Плыдем на другой берег! – заявил Валька, и Анжела, понимая, что это блестящая идея, стала рассекать водную гладь руками.

А с берега с гопниками доносилось:

– Да не полезу я за ними в воду! Я вообще плавать не умею!

Река была неширокая и на первый взгляд тихая, однако в действительности течение оказалось будь здоров. Валька уверенно плыл к берегу, чего нельзя было сказать об Анжеле: не так-то она часто и плавала, в отличие от своего...

Хахаля!

Ну да, разве что тогда, в особняке, где имелся собственный крытый бассейн. Тот самый, в котором плавал труп.

Ноги Анжелы что-то коснулось, она, завизжав, попыталась увернуться, вообразив себе, что это огромный сом, желающий утащить ее на самое дно, в свою илистую нору.

Ну, или в чем сомы там живут.

От крика сама наглоталась воды, в носу запершило, на мгновение голова даже ушла под воду.

Ну да, одно дело: сохранять холодную голову на суше, а

другое – в воде. В реке это как-то не ра-ботало.

Оказавшись под водой, в искаженном изумрудном царстве, Анжела вдруг подумала: а что, если она уже никогда больше не выплывет обратно?

Как когда-то тот, кто мучил ее – ее саму и маму.

Главное – не паниковать!

И запаниковала от этого еще больше.

Внезапно кто-то вытащил ее из изумрудного царства обратно, в реальный мир. Не кто-то, а Валька. Он, услышав ее крики, подплыл к девушке, уже ушедшей под воду, и нырнул вслед за ней.

– Ну, все в порядке, не волнуйся. Это всего лишь небольшое бревно. Ты не ударилась? Ты только воду не глотай...

Судорожно дыша, Анжела постепенно приходила в себя. А на берегу гопники тем временем, разоблачившись, гуськом заходили в воду.

– Сможешь поплыть дальше? Если нет, то я тебя на себе потащу.

Только этого не хватало!

– Смогу! – уверенно ответила Анжела, но Валька ее не бросил, а, придерживая ее одной рукой, погреб другой к противоположному берегу.

Один из гопников, вообразив себя олимпийским чемпионом по плаванию, уже нырял и выныривал, пытаясь пересечь реку и нагнать беглецов.

Но, нырнув в очередной раз, он затем толком и не выныр-

нул, только замахал обеими руками. А затем скрылся под водой.

– Наверное, налетел головой на то бревно, которого ты испугалась. Ну, *бывает*, – заметил Валька.

Гопники бросились спасать своего незадачливого товарища, и когда они его вытащили на берег, то Анжела и Валька также расположились на берегу, только противоположном.

Наблюдая за суетой гопников, Анжела сказала:

– А если его не откачают?

Валька, пошарив рукой вокруг себя, произнес:

– Очков, конечно же, нет, так что ты будешь нашим поводырем. Нет, к ним я не поплыву, пусть сами разбираются. Думаю, им сегодня все же придется вызвать «Скорую».

Посидев на берегу и понаблюдав за происходящим (хотя наблюдала только одна девушка – Валька по причине отсутствия очков физически не мог) и удостоверившись, что нахлебавшийся, как и Анжела, воды гопник наконец-то оклемался, ребята решили двинуться в путь.

– А куда нам, собственно, идти?

Валька, осмотревшись, честно признался:

– Это мы где-то в районе Бабочек. Тут такое село имеется неподалеку, а когда детский лагерь основали, то ему такое же название и дали. Я тут ни разу не бывал. Я в классе четвертом или пятом должен был вообще-то туда за хорошую учебу поехать, но пионерский лагерь закрыли, потому что пионеры закончились. Ладно, давай прогуляемся! Только за

маршрут придется отвечать тебе!

Оставив гопников скакать на другом берегу, Анжела и Валька двинулись по дорожке в глубь леса. Вскоре им попалась упавшая на бок полукруглая вывеска: «Бабочки».

Так и есть, бабочек было и тут предостаточно, но помимо этого еще мошкары и комаров. Отбиваясь от назойливых насекомых, они вышли к каким-то разноцветным развалинам.

– Так и есть, детский лагерь, который раньше назывался пионерским, – заявил Валька, толкая полуоткрытую ржавую калитку. – Что, проведем свой индивидуальный тур?

Лагерь стоял заброшенным всего несколько лет, однако, лишившись юных постояльцев, словно потерял источник энергии и стал разрушаться с огромной скоростью. Корпуса зданий смотрели черными оконными проемами, выбитыми дверьми, покосившимися, смешными советскими лозунгами.

Бабочки были не только в воздухе, но и на стенах зданий, выложенные мозаикой, на плацу, нарисованные уже отколу-павшейся краской на растрескавшемся асфальте, во всю стену столовой, ну и, конечно, в различных вариациях то тут, то там на спортивных снарядах, скамейках и даже на фонарных столбах.

В заброшенном пионерском лагере было одновременно волнительно и страшно. Анжела не удивилась бы, если бы на построение на плацу, для поднятия флага, вдруг из за-

брошенных корпусов потянулись бы одетые в отутюженную школьную форму подростки.

С пустыми черными глазницами.

– Брр, прямо логово для вампиров! – произнес Валька, поддевая ногой ржавую консервную банку.

– Может, дальше пойдём? – произнесла Анжела, которой было не по себе. Словно они вторглись в чужой мир – чужой и чуждый.

Миновав посеревшую «ракушку» музыкальной эстрады (с обязательной гигантской бабочкой), они прошли мимо небольшого изрытого участка, утыканного некогда, быть может, и красивыми, а теперь страшноватыми разноцветными бабочками из стекла, нанизанными на металлические стержни.

– Сад мертвых бабочек? – спросила словно замороженная Анжела, но все объяснялось проще: некогда это был огород, на котором школьники выращивали полезные и полные витаминов овощи, а бабочки украшали металлические стержни с небольшими щитками, буквы на которых стали едва различимыми. Судя по этим указателям, когда-то тут росли «Кабачки», тут «Петрушка», а здесь «Морковь поздняя», тут «Морковь ранняя» и даже «Эстрагон».

– Ну да, был огород, а стал сад бабочек. Только почему мертвых? Их ведь здесь полно – живых!

И в самом деле, огород, заросший теперь сорняками и разнообразными дикорастущими травами и цветами, стал раем

для бабочек, которые порхали во всех направлениях, садясь в том числе и на своих ржаво-стеклянных товарок.

– А где тут выход? – спросила Анжела, и в этот момент раздался громкий голос:

– Вот я вас и поймал!

К своему ужасу, Анжела заметила массивного мужчину, вернее, уже старика, с длинной белой бородой, в очках и в теплой тужурке, держащего в руках ружье.

Он грозно надвигался на них.

Присмотревшись, Валька побледнел.

– Это *он*.

– *Кто* он? – спросила упавшим голосом Анжела, а Валька пояснил:

– Ну, тот сумасшедший дед, о котором я тебе рассказывал. Который вроде всю свою семью перестрелял, за это срок огромный отмотал и живет бобылем в своей избе. Практически на курьих ножках!

Анжела припомнила что-то из местного фольклора, который поведал ей во время их прогулок Валька, но она думала, что все это выдумки.

Оказалось, что нет.

– Стоять! – заявил старик. – Ружье заряжено. Пусть и солью, но мало не покажется.

Приблизившись к ним, он с сомнением произнес:

– На бритоголовых вы не похожи!

– Непохожи, – согласился Валька. – А вы сторож?

Старик, повесив ружье на плечо, ответил:

– Можно и так сказать. А то повадились сюда всякое дурачье шастать, облюбовали подвалы, символы нацистские там малюют. Тьфу!

– Это не мы! – заявила честно Анжела, и старик, внимательно глядя на нее, ответил:

– Верю. Думаю, эти молодые идиоты, которые тут черт знает чем занимаются, тебя в свои ряды не приняли бы.

– Потому что кожа у меня *не* белая? – спросила с вызовом Анжела, а Валька миролюбиво заметил, косясь на ружье старика.

– А оно у вас точно солью заряжено? И вы тут сторожем работаете?

Старик усмехнулся в седую бороду.

– Какой ты любопытный. Нет тут сторожа – как Союз рухнул, все в одночасье и забросили. Я сам тут сторож и немного за порядком слежу, когда могу и если здоровье позволяет. А вы что без одежды шастаете?

– Убегали, – ответила Анжела, не понимая, чего это Валька так испугался старика, который вовсе и не сумасшедший.

– Да так быстро, что одежду растеряли? Бывает. Ладно, если погреться хотите, то идите за мной.

Впрочем, это было даже не предложение, а приказ.

Шествуя за стариком, Валька боязливо шепнул Анжеле.

– А вдруг он нас, как свою семью, перестреляет? Говорят,

что с них кожу содрал!

До них донеслось:

– А слух у меня, несмотря на мои годки, хороший. Вот и пришли!

Вывернув из-за высоченных берез, они оказались перед двухэтажным деревенским домом своеобразной архитектуры.

– Он такой... *необычный*, – вырвалось у Анжелы, и старик довольно погладил бороду.

– Сам строил. Я ведь архитектор по профессии.

Около дома был небольшой огород (к счастью, без аляповатых указателей в виде стеклянных бабочек на железных прутах), там же стоял мотоцикл с коляской.

Встретил их безухий пес, впрочем, весьма дружелюбный – он сразу принялся лизать Анжеле руку.

– Должен посторонних отпугивать, а он к ним ластится.

Но куда ж я его дену, такого непутевого...

А на крыльце примостились две кошки, рыжая и черно-белая. Из курятника доносилось кудахтанье.

Толкнув дверь, старик провел их в комнату, которая совсем не выглядела как обиталище отшельника, к тому же сумасшедшего, а больше походила на кабинет ученого: книги, несколько картин и даже большой старинный глобус.

Ставя ружье в угол, хозяин сказал:

– Сейчас на курей гляну, а потом к вам вернусь. И одежду вам принесу, у меня имеется!

И, взглянув на них, добавил:

– Кличут меня Демидычем. А как вас зовут, расскажете, когда вернусь. И кто за вами гнался, тоже.

Когда старик скрылся, Валька зашептал:

– Он свою семью убил и нас тоже убьет. Откуда у него может быть одежда для подростков, сама подумай? Только если он таких, как мы, к себе в дом заманивал и...

Анжела, подойдя к книжным полкам, ответила:

– Ерунда. Не верю я в это.

Но все равно осадок остался.

– Давай ноги отсюда унесем, пока не поздно. Уж лучше с гопниками встретиться, чем с этим стариком-убийцей!

Вспомнив гопников, Анжела ответила:

– Ну уж нет! Если что, то с одним стариком мы справимся.

А вот с шестью гопниками – точно нет.

Присоединившись к ней, Валька стал рассматривать книги.

– Жюль Верн, Марк Твен, Вальтер Скотт! Вот это да! Да у него подборка лучше, чем в городской библиотеке. Ого, я этот роман Жюль Верна давно хотел прочитать и охочусь за ним, но у нас в городе его ни у кого нет.

– Как видишь, есть, – возразила Анжела, заинтересовавшись обложкой иностранного журнала, на котором была изображена антилопа, которую крокодил пытался уволочь в реку. Она взяла его и принялась листать.

Английский у нее в школе был, но она никогда не уделяла

ему должного внимания. Но ее интересовали даже не текст, а фотографии: завораживающие, открывавшие новый ракурс на происходящее, позволявшие взглянуть на обыденное событие по-иному.

Анжела прочла название журнала: «Discovery».

Ни разу о таком не слышала, но оно и немудрено: издавался он в Лос-Анджелесе. Но перевести название, несмотря на свои скудные познания в английском, смогла: «Открытие».

– Ого, да тут Агата Кристи, да еще на английском, а не в переводах. *Вот это да!*

Расположившись на полу, Валька стал лихорадочно вытаскивать один том за другим.

– Вижу, моя небольшая книжная коллекция пришлась вам по вкусу, – раздался голос хозяина, и Анжела увидела его входящим в комнату.

В руках у него были джинсы и куртки – разных цветов и размеров.

Она осторожно положила журнал обратно на стопку.

Откуда у этого Демидыча подростковая одежда, к тому же в таком количестве?

Сердце учащенно забилося.

– Возьмите, вы же свою потеряли.

Захлопнув книгу, Валька произнес:

– А мы об этом вам не говорили.

Старик усмехнулся:

– Так я сам догадался! Поди на речке купались, на вас

хулиганы напали, пришлось на другой берег переплыть, а одежда на том осталась.

– Вы за нами... наблюдали? – спросил осторожно Валька, и от Анжелы не ускользнуло, как он покосился в угол, где старик оставил ружье, заряженное якобы солью.

Хотя, может быть, совсем даже и не солью.

Ружья в углу не было.

Демидыч проследил его взгляд, и улыбка с его лица вдруг исчезла.

– А где... *ружьё*? – спросил сиплым голосом Валька, и старик буркнул:

– От греха подальше в подвал унес! Ну, примерьте-то одежду! Она от моих внуков осталась, они вот через неделю на каникулы к деду приедут!

У Анжелы отлегло от сердца – ну да, у Демидыча были внуки, и это объясняло наличие подростковой одежды в его доме.

Раздался протяжный свист, и Валька вздрогнул.

– Чайник вскипел! Прошу к столу!

Попивая душистый чай с сушками, ребята отмалчивались, да и Демидыч был не большим говоруном. Наконец, поставив чашку на блюде, он грозно произнес:

– Значит, в городе меня убийцей считают?

Валька, заикаясь, стал неумело врать:

– Да что вы, *никто* вас убийцей *не* считает...

Демидыч, взяв сушку и раскусив ее своими крепкими желтыми зубами, пожевал и подытожил:

– Точно считают. Думаю, этот слух те идиотики распустили, которых я из бывшего пионерлагеря шугаю. Ну, тех, которые повадились там в заброшенных зданиях то сатанистские, то фашистские знаки рисовать и сборища свои по ночам устраивать.

– У нас в городе есть сатанисты? – оживился Валька.

– Если бы только они, – вздохнул старик. – То, что теперь все повально эзотерикой увлечены, даже можно понять: столько лет запрещали. Хотя зачем ради этого кошек убивать и голубям головы отрубать для своих мерзких обрядов? Так нет, еще и бритоголовые тоже вдруг откуда-то взялись! Ваши ровесники или, может, чуть постарше. Свастики рисуют, портреты главных нацистов на стенах вешают. Одно слово, дурачьё! И ради таких я на войне был?

Анжела посчитала – ну да, вполне могло статься, что Демидыч был на войне.

– Значит, и неонацисты тоже имеются? – оживился Валька еще больше. – Но в газетах ничего не пишут!

Старик прищурился.

– Ну да, а ты ждешь, что там с ними интервью появится? Ну, если дальше так и пойдет, то и появится, кто его знает. Кстати, это не они к вам приставали?

И он взглянул на Анжелу.

Ну да, конечно, если отец у нее африканец, то все город-

ские хулиганы, в особенности придерживавшиеся расистских взглядов, должны были охотиться за ней.

Но примерно так ведь оно, в сущности, и было.

– Ну, что-то в этом роде, – ответила девушка.

– Ну так считают меня убийцей или нет? – прогромыхал старик. И так как Валька ответа дать не решился, старик принес фотоальбом и положил его перед ребятами.

– Вот моя любимая женушка, которая теперь в сырой земле лежит – от рака в одночасье сгорела. Вот моя дочка, которая под Москвой живет. Вот это мои внучата, которые сюда каждое лето приезжают...

Все это были фотографии счастливых и довольных людей, никаких не похожих на жертв местного угрюмого старика-убийцы.

Анжела закусила губу. Ну да, она сделала такой глупый вывод на основании злонамеренных слухов и несколько устрашающей внешности Демидыча.

Но ей ли делать выводы на основании чьей-то *внешности*?

– А это кто? – спросил Валька, перелистнувший альбом на несколько страниц назад.

Это было черно-белое изображение женщины с давно вышедшей из моды прической и маленького мальчика в бескозырке.

Демидыч, буквально вырвав у Вальки фотоальбом, захлопнул его.

– Жена моя, первая. Еще довоенная. Ну и сынок мой...

– Они во время войны погибли? – произнесла сочувственно Анжела, и Демидыч глухо ответил:

– Погибли-погибли... Ладно, поставлю еще чайник...

Выждав, пока старик не удалился, Валька зашептал:

– Вот их он и убил! Причем еще давно, до войны или во время или сразу после! А потом новую семью себе завел...

Анжела возразила:

– Что за чушь! Наслушался этих бредней и веришь им. Вроде бы такой умный, энциклопедию наизусть почти всю знаешь, а веришь таким страшилкам, которые кто-то с дурной целью запустил.

После чая Валька все же решился и попросил взять почитать роман Жюль Верна, за которым он давно охотился, и несколько книжек Агаты Кристи на английском.

– А тебя что занимает? Тоже романы? Библиотека в самом деле плохая, жена-покойница у меня подбирала, да и дочка, когда жила тут, читать обожала...

Анжела взяла в руки журнал «Дискавери».

– Ага, вот оно что! Неплохой выбор. Когда за границу ездил, покупал себе, потому что уж снимки невероятные. Мне такие точно никогда не сделать...

– За границу ездили? – оживился Валька. – А куда?

Дом Демидыча они покинули уже под вечер, нагруженные разнообразными дарами, в первую очередь книжно-журнальными.

– Тут автобус до города ходит, но вас на мотоцикле отвезу!

Водил Демидыч мотоцикл с люлькой, в которой устроилась Анжела, весьма лихо. Доставив их к дому Вальки, старик сказал:

– Сказал же, что на следующей неделе внуки мои приезжают, так что заходите, а то им компания нужна, с дедом им скучно...

Валька радостно закивал, явно желая перечитать со временем всю библиотеку Демидыча, а Анжела, прижимая к груди пачку журналов «Дискавери», отмолчалась.

Ну да, ведь на следующей неделе их здесь уже и *не будет*.

Потому что им снова придется бежать куда глаза глядят.

Ну, или куда доставит их очередной поезд дальнего следования.

Только вот почему они все время в бегах?

Все очень просто – потому что мама убила человека. И, надо отметить, очень хорошо сделала, *что убила*.

...А ведь начиналось все так многообещающе! Мама, окончив институт с дипломом библиотекаря, ни дня по специальности не работала. Ну, не вышло: сначала (от сына ближайшего соратника Фиделя Кастро – ну, *или* от кого-то иного) на свет появилась Анжела, а спустя восемь лет, от студента аспирантуры из Камеруна, который жениться на русской подруге явно не намеревался и быстро отбыл на родину (это, кажется, соответствовало действительности) – Никитка.

Жили они к тому времени в общежитии железнодорож-

ников, к которым мама ни малейшего отношения не имела, но, будучи весьма общительной особой, сумела заполучить пусть и одну, но зато двадцатипятиметровую комнату!

Обитали они в одном крупном городе на Волге – мама, учившаяся в Москве, с большим удовольствием там и осталась бы. Анжела до трех лет жила с ней, но потом им в одночасье пришлось покинуть столицу.

По официальной версии, потому что мама нашла очень хорошую работу в регионе. А по правде – потому что она, работая барменшей в каком-то златном заведении на Садовом кольце, то ли ввязалась в некую криминальную историю, то ли стала свидетельницей того, чего ей лучше было бы не видеть.

В общем, вернувшись ночью в общежитие (и в Москве это тоже было от железнодорожников – словно перст судьбы указывал им в сторону железнодорожных касс, посещать которые им предстояло в грядущие годы регулярно), мама заявила, что они переезжают.

Переехали они сначала в один город, потом во второй, оказались затем в том самом, крупном, на Волге. Обосновались, пустили корни, мама даже в самом деле работала в библиотеке – только не по своей специальности, а в ночном клубе, который расположился на одном из сдаваемых библиотекой под прочие нужды этажей.

Там она и познакомилась с отцом Никитки, который, учась в Москве, приехал в провинцию собирать материал

для своей диссертации, так и не написанной.

Мама вскоре заявила подрастающей Анжеле, что у нее появится братик (даже до УЗИ она не сомневалась, что будет мальчик, и оказалась права). А, помимо этого, отчим, вернее, добрый хороший отец.

Патрик, с широкой белозубой улыбкой, почти без акцента говоривший по-русски, в самом деле был добрым и хорошим – и, кажется, отцом не только Никитки, а не самого маленького количества детей, как Анжела узнала из разговора на крайне повышенных тонах, которые вели мама и Патрик.

После этого Патрик исчез: как из города, так и из их жизни, мама долго горевала, все надеясь, что он вернется, потому что его она, кажется, искренне любила.

Но Патрик так и не вернулся, а мама ушла из ночного клуба и устроилась в самую лучшую гостиницу города администратором.

Впрочем, и там она продержалась только до декретного отпуска, а когда вернулась вместе с Никиткой из роддома, то заявила, что будет заниматься бизнесом.

Слово она свое сдержала, сетевой маркетинг на первых и даже вторых порах шел отлично, вероятно, даже слишком, потому что неплохие дивиденды мама вложила в выглядевшую крайне респектабельно компанию, обещающую сумасшедшие годовые.

Кто-то их и получил, в первую очередь руководители сей незатейливой, но великолепно раскрученной (известными

актерами по ТВ и говорливыми дикторами по радио) финансовой пирамиды, сбежавшие с миллиардами обманутых вкладчиков куда-то в теплые края.

И хотя из этих теплых мест им в итоге пришлось переместиться в места не столь отдаленные, миллиардов таки и не нашли, но неунывающая и фонтанирующая идеями мама завела к тому времени свое личное бюро знакомств для дам, желающих выйти замуж за иностранца.

В действительности (и подраставшая Анжела знала это точно) мама *сама* желала отыскать для себя богача, красавца и просто душку, желательно с замком и титулом, откуда-нибудь из Италии, Франции, быть может, Германии или Австрии или на худой конец Испании.

Даже на Грецию или Португалию согласилась бы.

К тому времени они из общежития переехали на съемную квартиру, пусть и не самую шикарную, зато в центре города. Мама всегда говорила, что пусть будет небольшая, но в центре: это производит впечатление.

На кого? На ее многочисленных поклонников или желавшими стать таковыми, которые время от времени навевались к ним домой. В зависимости от поклонника, его статуса и намерений в отношении одного со стороны мамы требовалось исполнять роль то отличницы, то тихой девочки, то шептунной, то вообще *пойти часика на два с братиком погулять*.

Маме делали предложения руки и сердца, причем не раз,

в том числе и иностранцы. Но все было что-то не то: то молодой и без денег, то старый – и тоже без денег. То вроде и нестарый, и с деньгами, но зато с пятью детьми от трех бывших, которым он платил алименты.

То есть в итоге, как ни крути, все же опять без денег.

Прижимая к себе дочку и сына, мама не скрывала от них своих меркантильных планов.

– По любви у меня появилась ты, а потом Никитка. Я совсем не против еще одной любви, большой и чистой, но предпочитаю солидный счет в иностранном банке. А лучше в двух или трех. Ну и недвижимость, само собой. И автомобиль, причем у меня будет свой.

И это при том, что водительских прав у мамы не было, однако водить она кое-как все же умела: научил один из поклонников, майор ГАИ.

Никитка-то был слишком юн, чтобы понимать разглагольствования мамы, а вот Анжела уже смирилась с тем, что рано или поздно они обзаведутся отчимом, возможно, даже иностранным.

И что мама родит еще малыша, не исключено, не одного – значит ли это, что она их с Никиткой будет любить меньше?

Мама заявляла, что что бы ни произошло, они будут у нее единственными на свете, но Анжела прекрасно знала, что у мамы *все* было единственным – и новая работа, и новая квартира, и новый город.

Ну и новый ухажер из тех, которых мама предпочитала

звать хахалями.

Впрочем, в *тот* раз все было иначе. Заглянув с утра на кухню (мама вновь работала в гостинице, только уже *не* в лучшей в городе и не администратором, а всего лишь горничной), где Анжела сама жарила себе яичницу, собираясь в школу, родительница заявила:

– Я нашла своего суженого и вашего нового папу! Я его нашла! Не человек, а золото!

Анжела насторожилась, потому что обычно мама весьма скептически относилась к своим хахалям, начиная с их недостатков, которых обычно было намного больше, чем достоинств.

Но не придавала этому особого значения, решив, что через недели три-четыре все, как водится, само собой рассосется.

Не рассосалось.

Мама представила им свою неземную любовь – и Анжела была вынуждена признать, что в этот раз она, кажется, не прогадала.

Хоть обычно (но далеко не всегда) мама специализировалась на выходцах из Африки или Южной Европы, ее избранником оказался среднего роста спортивный блондин с ярко-голубыми глазами.

– Артур, – представился он, подавая Анжеле руку.

Никто из маминых хахалей ей руку до этого не подавал: или трепали по голове, или по щечке, или даже по коленке.

Один, когда мама не видела, даже стал щупать ее грудь, за

что был укушен в свои шаловливые пальчики и, протяжно подвывая, с позором бежал из их квартиры.

Хотя, кажется, тогда они жили в комнате в общежитии (и даже не железнодорожном, а от пищевого техникума).

На руке у Артура Анжела заметила солидный перстень-печатку с замысловатым вензелем.

– А вы, кажется, Анжела? – произнес он глубоким голосом, а Анжела поняла, что начала млеть.

Хотя бы потому, что он был первым, кто обратился к ней на «вы»!

Артур оказался *крайне* солидным бизнесменом, причем не просто состоятельным, а *невероятно* состоятельным.

Они посетили его загородный дом, который, впрочем, оказался настоящим дворцом. Располагался он даже не в тех элитных поселках, где проживали *лучшие люди города*, а на территории местного природоохранного объекта, в сосновом бору, с выходом с одной стороны к озеру, а с другой к реке.

В зоне видимости располагалась загородная частная резиденция местного губернатора, с которым Артур был на короткой ноге.

Где и как они познакомились с мамой, история умалчивала, во всяком случае, для Анжелы. Мама делала туманные намеки, однако каждый раз разные.

– У него не одна фирма и даже не две. И даже не пять. А *двадцать девять!* Ты только подумай, дочка, двадцать де-

вать! У него собственный холдинг. И он не женат!

Артур, как узнала из газет и местного телевидения Анжела, был одним из ведущих бизнесменов региона и имел закадычных друзей среди руководителей города и области.

– Мы переезжаем к Артуру! – заявила мама через очень короткий срок после того, как представила своего ухажера (уже не хахаля) дочке и сыну.

– У каждого из вас будет своя комната! Отдельная! А если захотите, даже этаж! Артурчик вас любит как своих собственных!

Так оно и было: у Анжелы появилась своя комната, обитая розовыми обоями, обставленная розовой мебелью, с гигантскими мягкими игрушками во всех углах.

Тоже розовыми.

У нее от этой розовости несколько свело зубы, потому как комната Никитки ей понравилась гораздо больше: серые и синие тона, собственный гоночный автомобиль, на котором можно было гонять по коридорам дома-дворца или на газоне.

И никаких тебе мягких игрушек, которых Анжела терпеть не могла.

Но говорить этого Артуру она, естественно, не стала: она не хотела обидеть человека, которого так любила ее мама.

Первые дни в собственном дворце были похоже на сон. Последующие тоже, однако волшебная сказка превратилась в страшную, а в финале в кошмарную.

Началось все с того, что Артур настоял: работать маме не надо. Та не имела ничего против, тем более трудиться горничной в гостинице ей было уже не с руки, но Артур даже не позволил ей попрощаться с коллегами, хотя мама хотела – хотя бы, чтобы похвастаться перед ними своим счастьем.

– Нет, это лишнее.

– Но, милый, я уже пригласила их в ресторан, они все же мои коллеги, хотя и бывшие. Они неплохие, я только на часок...

– *Нem!*

Затем выяснилось, что покидать дворец маме можно только в сопровождении водителя или охранника Артура – но ни в коем случае не одной.

А когда мама захотела спонтанно отправиться в СПА-салон, она просто не смогла покинуть загородный дом.

Запрещено выходить наружу было не только маме, но и Анжеле, не говоря уже о Никитке. Впрочем, мальчик так был увлечен своим новым жилищем и личным детским автомобилем, что ничего не замечал.

А вот Анжела очень даже отметила, что мама выглядит не только напуганной, но и подавленной. Да и ей самой было не по себе: еще бы, в школу ей возвращаться запретили.

– Но, милый, ей же нужно учиться дальше, в конце концов, она обязана ходить в школу.

– Пойдет в лучшую частную гимназию. Пока утрясаются формальности, пусть сидит дома.

– Но, может быть...

– *Нem!*

А когда однажды утром, спустившись по лестнице в столовую, Анжела увидела маму, в розовом халате с меховой оторочкой, с новой, столь шедшей ей, прической – и с большим фингалом под глазом, она, обняв ее, спросила:

– Это ведь он?

Засуетившись, мама стала уверять, что нет, что это она ночью в душе поскользнулась...

– Это ведь он, – сделала вывод Анжела и подала маме трубку радиотелефона.

– Звони в милицию!

– Дочка, ты что, я делать это не буду! Артур хороший, просто... просто он не любит, когда ему перечат...

– *Ночью в душе*, мама?

Мама упорно не хотела ставить никого в известность, тогда Анжела решила, что сама позвонит в милицию.

Но гудков в трубке не было.

Когда Артур вернулся домой, мама встретила его в изящном вечернем платье, сверкая украшениями, которые он ей подарил.

Так он хотел.

И с фингалом во всю щеку.

Как ни в чем не бывало Артур поцеловал ее в щеку и заявил:

– Выглядишь потрясающе, дорогая.

Затем был ужин в столовой за огромным столом, и мама щебетала, делая вид, что ничего не произошло и ведя речь о сущих пустяках.

После ужина Артур удалился к себе в кабинет, чтобы продолжить работать, и Анжела, решившись (заходить в кабинет Артура было строго-настрого запрещено), постучала в дверь.

Ответа не последовало.

Она постучала еще раз.

Так как ответа снова не было, она зашла – и увидела, что в гигантском, обшитом дубовыми панелями кабинете с массивной аляповатой картиной какого-то сражения, кажется, Бородинского, никого нет.

Но куда же делся Артур?

Она вдруг заметила, что одна из книжных полок, в действительности являясь тайной дверью, стоит приоткрытая.

Анжела подошла к ней – и услышала сдавленные стоны и крики. Она похолодела, не зная, что и делать.

В этот момент из-за полки на нее шагнул Артур, на красивом лице которого застыла странная гримаса.

Его рубашка была расстегнута, грудь вздымалась.

– Извините... Я не хотела мешать... – пролепетала Анжела.

Прикрыв дверь-полку, Артур ответил:

– Не извиняю. Входить в мой кабинет, и это общеизвестно, никому нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Поэтому

не извиняю.

И вдруг безо всякого предупреждения ударил Анжелу по лицу тяжелой узкой ладонью.

Девочка вскинулась, хватаясь за щеку и ощущая, как у нее в ушах зазвенело.

Артур же, переменившись, своим обычным любезным тоном заметил:

– Ты хотела со мной поговорить? Чем могу помочь?

Кажется, он на полном серьезе полагал, что она поведет с ним нормальную беседу после того, как он ударил ее по лицу.

Анжела выбежала прочь и бросилась к маме.

Она застала ее в будуаре, где доминировали перламутровые тона: *так* захотел Артур.

Сидя перед зеркалом в золоченой оправе, мама, все в том же нелепом вечернем платье и с бриллиантовым колье на шее, расчесывала длинные волосы и беззвучно плакала.

Ринувшись к ней, Анжела запричитала:

– Мамочка, нам надо отсюда уехать, как можно быстрее...

Ахнув, мама взяла ее за подбородок.

– Дочка, что случилось? У тебя на лице такой ужасный кровоподтек... Откуда?

Анжела сквозь слезы ответила:

– *Ночью в душе поскользнулась*, мама!

Дверь в будуар распахнулась, и это несмотря на то, что Анжела точно помнила: она закрыла дверь изнутри на ключ.

На пороге стоял Артур, как всегда безупречный и абсолютно невозмутимый.

Значит, у него были ключи от будуара мамы – вероятно даже, от всех комнат его волшебного особняка, вдруг превратившегося в замок злого колдуна.

– Ты ударил мою дочь? – произнесла мама дрожащим голосом. – Ты же обещал, что не тронешь ее...

Артур приблизился к ним.

– Она нарушила правила. Это заслуженное наказание. Я никогда не причиняю никому боль без причины.

Схватив расческу со столика, Анжела бросилась на Артура, но тот рукой легко перехватил ее запястье и сжал его стальной хваткой.

– Я могу его вывихнуть или даже сломать, но делать это не буду. Сейчас не буду. А в другой раз сделаю.

Анжела безоговорочно поверила его угрозе.

Отпустив ее, Артур любезно произнес:

– А теперь иди спать.

– Но я не хочу...

– *Иди спать!*

Мама быстро произнесла:

– Дочка, прошу тебя, иди спать!

Анжела вышла прочь, однако не отправилась к себе в спальню, а притаилась в коридоре. Через минуту-две из будуара вышла бледная, заплаканная мама, сопровождаемая Артуром.

Анжела проследила, что он отвел ее в кабинет. Выждав несколько минут, она подошла к двери, из-за которой не доносилось ни звука.

Приоткрыв ее немного, Анжела увидела часть стола. Она распахнула дверь шире.

В кабинете *никого не было*.

Она уже знала, куда делся Артур, на этот раз вместе с мамой. Полка-дверь в этот раз была закрыта, и Анжела попыталась сдвинуть ее, однако тщетно: какие бы книги она ни вытаскивала, какие бы завитушки на резьбе ни нажимала, полка с места не сдвигалась.

Мама была там, в этом подвале – вместе с Артуром.

От мысли об этом у нее пошли мурашки по телу.

Понимая, что в логово ее нового *папочки* она не проникнет, Анжела поднялась в комнату к братцу.

Никитка уже спал, мерно посапывая с улыбкой на личике.

Ну, по крайней мере, хоть кто-то счастлив в этом ужасном замке.

Анжела уже провалилась в сон, когда вдруг ощутила, что кто-то схватил ее за руку. Распахнув глаза, она увидела Артура, зависшего над ее кроватью.

– Я имею возможность отслеживать ваши передвижения по дому. Поэтому я увидел, что ты вошла без разрешения в мой кабинет в первый раз. Как, впрочем, и во второй. За первое непослушание ты была наказана. И я сообщил, какое

наказание тебя ждет за второе. Я пришел привести его в исполнение.

И он с ужасным хрустом повернул ей запястье.

Приехавший по вызову самого же Артура врач, не сказав ни слова и не задав ни единого вопроса, сделал Анжеле, которая все еще была не в состоянии осмыслить произошедшее, укол обезболивающего, наложил гипс и отбыл.

Все это происходило в гостиной на первом этаже и казалось сюрреалистичным. Артур, сломавший ей запястье (врач, явно профессионал своего дела, моментально определил это), теперь, практически как родной отец, заботился о ней, даже лично приготовил чай (прислуга на ночь не оставалась) и положил ей руку на плечо, пока доктор колдовал над вспухшим запястьем.

Ужаснее всего была даже не боль, даже не обида, а именно эта пудовая рука, покоившаяся на ее плече и словно прожигавшая ее.

Мамы не было, и это заботило Анжелу больше всего. *Что он с ней сделал?*

Когда врач отбыл восвояси, Анжела спросила:

– Где мама?

Артур, усмехнувшись, ответил:

– Мама занята, но к утру освободится.

Анжела закричала:

– Где мама? Мы немедленно уезжаем отсюда...

Артур схватил ее второе, здоровое, запястье.

– Не надо мне перечить. Иначе придется понести наказание. Я могу сломать и это тоже. Или второй раз уже сломанное. В конце концов, подумай о своем милом братике...

Анжела в ужасе закрыла глаза.

В плену *у кого* они оказались?

Похоже, у крайне богатого, влиятельного и столь же сумасшедшего субъекта, который получал удовольствие от...

От боли других людей.

– Пожалуйста, не надо... – попросила Анжела, и Артур отпустил ее руку.

– Это зависит исключительно от тебя. Ты и твой братец мне без надобности. А вот твоя мама...

– Что с ней?

Артур ответил:

– Ты устала, тебе нужен целебный сон. Вот, прими.

Он подал ей таблетку.

Розовую.

И даже бокал воды, который самолично наполнил. Еще бы, у него ведь работали обе руки. Никто ему правое запястье не сломал.

А надо бы.

– Не буду!

– Пей! И помни о благе своей мамы.

Схватив таблетку, Анжела сунула ее в рот и запила водой.

– Молодец. Открой рот. Высуну язык. Я должен убедить-

ся, что ты не прячешь ее за щекой. Отлично.

Чувствуя, что в голове у нее начинает гудеть, Анжела заплетающимся языком произнесла:

– Вы меня отравили?

Артур положил ей руку на плечо.

– Нет, это всего лишь сильное седативное. Тебе нужен целебный сон...

Сон... Сон... Сон...

В себя Анжела пришла от того, что кто-то ее теребил. С трудом открыв глаза, она увидела сидящего на ее постели Никитку.

Интересно, как она оказалась в своей комнате, если отключилась на первом этаже?

Артур отнес.

– Соня, вставай! Ты так долго спишь! А что у тебя с рукой?

За окнами было темно: вряд ли еще, вероятно, уже.

Она проспала сутки? Или даже двое?

– Так что у тебя с рукой, сестричка?

Посмотрев на братца, Анжела ответила:

– Ночью в душе поскользнулась.

Маму она увидела только следующим утром – та, ковыряясь в тарелке, сидела за огромным столом, завтракая вместе с одетым, как всегда, с иголки Артуром.

– Доброе утро! – произнес он тихо и внимательно посмот-

рел на Анжелу. Та уже знала, что отвечать надо тотчас и с легкой улыбкой.

– Доброе утро!

Мама, мимолетно взглянув на нее, снова опустила голову к тарелке. А Анжела ужаснулась – столько в ее взгляде было безысходности и муки.

– Прими свои таблетки! – сказал Артур, и мама тихо ответила:

– Да, сделаю.

Ее тон явно не понравился их мучителю, который заявил:

– Сейчас же!

И протянул маме уже знакомую Анжеле розовую таблетку.

Не принимай, мама, не принимай!

Однако мама без возражений взяла ее и, положив в рот, запила водой.

– Отлично. Они тебе помогут. Ты не очень хорошо выглядишь, дорогая, – заявил Артур, обращаясь к маме. – Надо бы тебе съездить к косметичке! Вот поспишь и съездишь.

Та кивнула, и хозяин дворца поднялся из-за стола, что означало: завтрак закончен для всех.

– Увидимся вечером! – произнес он и удалился. Когда шофер увез его в город, в офис, Анжела вихрем поднялась по лестнице и подошла к будуару мамы.

Но если та приняла розовую таблетку, то наверняка уже, как и она сама, провалилась в многочасовой беспробудный

сон.

Она постучала и толкнула дверь.

Так и есть, мама ничком лежала на огромной кровати под балдахином, явно погруженная в вызванное розовой таблеткой долгое оцепенение.

Опустившись около нее, Анжела вздохнула и положила здоровую – левую – руку на легкое одеяло, которым была укрыта мама.

И отметила, что вся спина мамы в каких-то странных багровых полосах. Как будто... Как будто ее кто-то бил или стегал.

Но кто *и* зачем?

Мама слабо вздрогнула и повернулась к ней.

– Ты не спишь, мамочка? – спросила удивленная Анжела, а мама, не открывая глаз, тихо произнесла:

– Садись по-другому, так, чтобы быть спиной к двери. Потому что вон там и вон там, над дверью, в углах, камеры.

Точно – и как Анжела их раньше не заметила? Наверняка подобные были и у нее с спальне – и вообще везде в этом ужасном особняке.

Не заметила, потому что они были неплохо замаскированы. Да и потому что предположить не могла, что подобное вообще возможно.

Оказалось, что *вполне себе* возможно.

Притворяясь, причем очень даже достоверно, спящей, мама с закрытыми глазами продолжила:

– За нами наблюдают его люди, но не думаю, что они непрерывно сидят у экрана и следят за всем. Только если мы попытаемся бежать или поведем себя как-то не так, они забьют тревогу. Впрочем, как он мне сам сказал и как я проверяла, нас не прослушивают, это слишком большая морока, ограничиваются картинкой. А так как я приняла таблетки и должна еще до второй половины дня дрыхнуть, то и я буду «дрыхнуть».

– Мамочка, но как же так... Они на тебя не подействовали?

Мама легонько усмехнулась.

– Не забывай, в каких местах я работала. Там люди всякое глотали, и хотя я сама к этому не прикасалась, но имею представление, что это делает с человеком. И кроме того, слышалась о кое-каких трюках, например, как сделать вид, что ты принял таблетку, хотя на самом деле этого не сделал. Тем более он только первые несколько раз проверял, а потом перестал. Уж слишком он самоуверенный.

Плача, Анжела спросила:

– Мамочка, он сломал мне руку. И по лицу ударил!

– Знаю, родная, как и то, что я перед тобой и Никиткой очень виновата. Это все из-за меня. Хорошо, что твой братик еще ничего не понимает. Не думаю, что он в опасности. А вот до тебя эта сволочь, боюсь, скоро доберется...

– Но он уже добрался! – возразила Анжела. – Он грозил и вторую руку сломать. И сломанную еще раз! Он сумасшед-

ший!

Мама вздохнула.

– Да еще какой! К тому же заправский садист, увы, с очень большим количеством денег и крайне влиятельный, по крайней мере, в этом городе и регионе. Понятно, что он искал себе жертв, вероятно, *новых* жертв. Потому что мы не первые и не последние, кого он в свой дворец заманивает. Понятное дело: молодой, красивый, богатый, свободный – кто ж на такого не польстится?

– Жертв? – переспросила с дрожью Анжела, и мама подтвердила:

– Ну да, жертв. И это, увы, только начало. Думаю, он привлекает одиноких, не очень умных, ну, в общем, как я, женщин, или одиноких, или с ребенком, вероятно, из числа приезжих, не обладающих родственниками и знакомыми в городе.

– Но почему, мамочка? – спросила в ужасе Анжела, и мама тихо ответила:

– Потому что, дочка, если они через какое-то время исчезнут, то никто этого не заметит и шума это не вызовет.

Глотая слезы, Анжела спросила:

– Мамочка, но почему мы должны исчезнуть? *Что* он делает с нами?

Мама не отвечала, но это было самым красноречивым ответом.

– Мамочка, но ведь нам надо бежать, – сказала Анжела и

осеклась.

Бежать – но только *как?* Тут из комнаты в комнату не пройдешь, чтобы это не зафиксировали камеры, не говоря о том, чтобы приблизиться к воротам.

Да и ворота поместья Артура массивные, забор высоченный, увенчанный колючей проволокой и, опять же, камерами.

Убежать из этого концлагеря было невозможно.

– Надо, дочка, надо. И я над этим уже думаю. Только вот он будет искать, в этом я не сомневаюсь. Он мне сам об этом сказал в подвале, когда...

– Мамочка, а что... *Что* он делает... с тобой?

Мама снова, как будто во сне, перевернулась на другой бок, спиной к Анжеле.

– Это не важно. Главное, что он может сделать с тобой. А он сделает. И если не он, так его друзья, которые у него имеются и занимаются примерно тем же, что и он. Или даже с Никиткой. Монстров в этом мире так много, дочка! Причем очень и очень страшных!

Во рту у Анжелы пересохло. Несмотря на свой возраст, наивной или непросвещенной она не была. Если ей Артур сломал руку и ударил по лицу, то маму в подвале этот изверг не только бил, но, вероятно, делал и то, что в СМИ именовалось «подвергать истязаниям и сексуальному насилию».

Что это в деталях значило, Анжела понимала не очень четко, потому что все ее представления об отношении полов

ограничивались сопливыми сериалами, однако явно *ничего хорошего*.

– Он или его приятели Никитку тоже будут бить и руку ломать? Мамочка, но ведь это... кошмарно!

Мама долго молчала, а потом произнесла:

– Да, он знал, как завлечь в свои сети таких, как я. Но ничего, я уже работаю над планом того, как нам отсюда улетнуть.

– Мамочка, но как? – спросила Анжела, и в этот момент в дверь постучали. Окаменев, Анжела дрожащими руками стала поправлять одеяло, которым была укрыта мама.

Вошел среднего возраста тип, облаченный в черную с красным униформу, который вообще-то был представлен им как садовник и следил за парком и газонами.

– Твоя мама спит, не надо ей мешать, – произнес он, подходя к Анжеле.

Та, вскочив на ноги, пробормотала:

– Я только хотела убедиться, что с ней все в порядке. И одеяло ей поправила, а то оно сползло. А почему она днем спит? Мама раньше никогда днем не спала!

Ну, *предположим*, очень даже спала, когда возвращалась под утро с работы в клубе или гостинице, но этому типу знать такие подробности необязательно.

И никакой он не садовник, а надзиратель в их тюрьме, впрочем, очень комфортабельной и дорожкой, но от этого еще более ужасной.

Хотя и садовник, вероятно, *также* в обязанности которого входило не спускать глаз с пленниц.

– Твоя мама устала и немного больна. Так что она приняла лекарство и сейчас спит. А теперь иди, поиграй с братом, а то ему одному скучно!

Вот уж кому не было *ничутьки* скучно и кто на полную катушку получал удовольствие от жизни в этой шикарной тюрьме! Никитка бегал, кричал, возился с дорожными игрушками, катался всласть на своем личном автомобильчике, плескался под присмотром Анжелы в крытом бассейне, валялся в гамаке и бегал на личный пляж – впрочем, в поместье Артура их было два: один у озера, доступ к которому имели только обитатели этого местного замка Иф, второй на реке, по которой время от времени мчались моторные лодки, проходили парходики и проплывали катамараны с отдыхающими.

Наблюдая за простой жизнью обыкновенных людей, которые наверняка с завистью рассматривали их величественную тюрьму, завидуя ее обитателям, Анжела размышляла о том, как им удрать.

Например, дать знак кому-то на моторке, чтобы причалили к берегу. Какой сигнал дать, чтобы поняли, что им нужна помощь, она толком не знала, но можно, если что, и костер разжечь.

Ну хорошо, даже если лодка пристанет к берегу и к тому

времени на пляже не появятся люди Артура, которых днем, до возвращения хозяина из офиса, в поместье было не меньше шести человек, и она сумеет как-то объяснить, что им нужна помощь и даже сама сядет в лодку и прихватит с собой Никитку (который наверняка раскапризничается, не желая оставлять свой личный игрушечный рай), и они отбудут прочь, то мама-то останется здесь.

Конечно, можно было подстроить так, чтобы на берегу оказались они втроем, хотя в таком случае, как подозревала Анжела, за ними будут следить гораздо более пристальнее, чем если бы на пляже резвились только она сама и ее братик.

Получится ли тогда привлечь к себе внимание кого-то на моторке? И если да, то будет ли у того шанс пристать к берегу и взять их на борт?

Можно, конечно, и кого-то на катамаране сюда завлечь, только скорость у того небольшая, а около личного пирса на волнах покачивались два крутых моторных катера: как управлять ими, Анжела, естественно, понятия не имела, да и наверняка требовались ключи зажигания или что-то в этом роде.

Тогда их, убегающих на катамаране, в два счета нагонят, и...

И плохо будет не только им самим, но и тем бедолагам, которые, сами того не подозревая, окажутся против своей воли вовлечены в эту жуткую историю.

А история, как уже понимала Анжела, была действитель-

но жуткая.

Можно просто попытаться уплыть, посадив Никитку, который плавать не умел, на надувной матрас (такой имелся в крытом бассейне), но ведь и она сама плавает не ахти.

И тогда их нагонят еще быстрее, чем если они попытаются улепетнуть на катамаране.

Поэтому, наблюдая за отдыхающими, многие из которых выворачивали шеи, пытаясь рассмотреть хоромы на берегу, Анжела остро им завидовала.

Они были на свободе, а вот она с мамой и братиком – в плену.

– Как тут хорошо, сестричка! – заявил ей Никитка, которому по первому его желанию строгая особа в униформе подавала мороженое или пирожное – или и то, и другое вместе.

– Мы ведь навсегда тут останемся?

Обняв братика, Анжела его поцеловала, не зная, что ответить.

– Только почему ты такая грустная? И где мамочка, почему она все время спит?

Не говорить же Никитке, что Артур пичкает маму таблетками, которые та пусть и не принимает, но вынуждена делать вид, что принимает и поэтому часами лежит в постели.

– А тебе точно тут хорошо? – спросила Анжела, и Никитка наморщил лоб.

– Очень и очень! Только вот я боюсь, что все это закончится. Мы ведь в сказку попали, а в сказках всегда так: ес-

ли слишком хорошо, то потом будет очень и очень плохо... Сестричка, отчего ты плачешь?

А Анжела все возвращалась к словам мамы о том, что плохо будет не только ей самой, но и Анжеле (что уже имело место), и даже Никитке.

Нет, допустить этого она никак не могла. Но только вот что делать?

В тот день мама, «проснувшись» около двух часов, спустилась вниз, и строгая дама в униформе объявила, что ее сейчас отвезут к косметичке.

– В лучший СПА-салон города! – заметила та не без гордости.

Мама, зевнув, заявила:

– Это в какой же, «Царица Савская», что ли? Уж да, нашли себе лучший! Там кулемы работают, которые ничего в косметологии не понимают!

– Но хозяин сказал, что вас надо отвезти туда...

Мама повысила голос:

– Вы хотите, чтобы у меня все лицо сыпью пошло или они мне волосы сожгли? Знаю я их, наслышана о том, как они там богатых клиенток уродуют. Одна вот даже парик теперь до конца жизни носить вынуждена. Думаете, *это* хозяину понравится?

Надзирательница была явно в замешательстве: с одной стороны, у нее были четкие инструкции, с другой – нарвать-

ся на неприятности она явно не желала.

– Звоните Артуру! – приказала мама, и в глазах надзирательницы мелькнул ужас.

– Хозяина днем, когда он в офисе, беспокоить нельзя.

– Мне плевать, что вам нельзя – звоните! Потому что к этим халтурщицам в «Царицу Савскую» я ни за что не поеду. У меня есть своя косметичка, к которой я уже годами хожу, у нее собственный кабинет, на Харьковской. Если и поеду, то только к ней! А если будете перечить, нажалуюсь Артуру, что вы ко мне плохо относились. Не думаю, что вам сладко придется!

Ну, заявление о том, что мама ходила к косметичке *годами*, было явным преувеличением: в этом городе они жили неполных десять месяцев.

Посоветовавшись с надзирателем, надзирательница сказала:

– Да, конечно, мы отвезем вас туда, куда вы скажете.

Вероятно, угроза пожаловаться Артуру подействовала.

Мама отбыла в город, а Анжела с Никиткой остались в их шикарной тюрьме. Вернулась мама через несколько часов и действительно очень похорошевшая и явно в приподнятом расположении духа.

– Мамочка, ты выглядишь как настоящая принцесса! – закричал, бросаясь к ней со всего разбегу, Никитка.

Как будто он знал, *как* настоящие принцессы выглядят. Хотя, кто его знает, *может*, и знал.

От Анжелы не ускользнуло, как лицо мамы, обнявшей сына, исказилось от боли. Так что же Артур такое с ней делает, раз та даже с ребенком пообниматься не может?

Выждав, когда они окажутся одни, мама, стоя спиной к дочери, сказала:

– Все очень и очень хорошо. Нам помогут. Только придется подождать около недели.

Анжела ничего не понимала – как визит к косметичке им поможет? Однако воспряла духом, понимая, что мама не будет ей врать.

Последующие дни походили один на другой: завтрак с Артуром, мама, «спящая» в своем будуаре, игры до изнеможения с Никиткой, ужин с вернувшимся с работы Артуром, и ночи, полные страха и дурных снов.

Наконец настал момент нового визита к косметичке. Мама шепнула Анжеле:

– Вот увидишь, все будет хорошо!

Анжела выстроила грандиозные планы. Им помогут, их спасут, их заберут отсюда.

Приехала мама явно расстроенная. И, улучив момент, она сообщила дочери:

– На этой неделе не вышло, придется снова ждать... К тому же потребовали задаток.

– Задаток? – протянула Анжела, и мама заявила:

– Отдала им кольцо с рубином, которое Артур мне подарил. Надеюсь, не заметит.

Оказалось, что заметил.

Артур, бывший крайне педантичным субъектом, заметив, что кольцо с рубином больше не украшает палец мамы, потребовал надеть его.

Мама сказала, что не может его найти. Артур велел ей встать из-за стола, вернуться к себе в будуар, найти, надеть и прийти обратно.

Когда мама вернулась, то сообщила, что кольца нигде нет. – Может, кто-то на него позарился? – И она уставилась на надзирательницу, которая подавала им ужин. – И решил сделать своим имуществом?

Последующие дни тема пропавшего кольца была основной, а на лице мамы появился новый синяк.

На этот раз Анжела уже не спрашивала, что с ней произошло, и так зная ответ – ночью в душе оступилась.

Поездка к косметичке отменилась, Анжела приуныла. Получается, что все надежды пошли прахом и им никто не поможет?

Как-то в воскресенье (Артур вернулся из офиса, куда ездил семь дней в неделю, пораньше) у нее состоялся странный разговор.

В комнате у Анжелы вдруг зазвонил телефон, который, как она много раз вообще-то убеждалась, был без зуммера, чем ужасно перепугал ее: никаких звонков раньше не было.

На проводе был Артур.

– Спустись ко мне в кабинет. *Немедленно.*

Боясь послушаться (и кляня себя за это: выходило, что она уже добровольно превратилась в его жертву), Анжела спустилась в кабинет хозяина шикарной тюрьмы.

Артур сидел на кожаном диване и указал на место рядом с собой.

Анжела осторожно опустилась на краешек, чувствуя, что дрожит.

– Как запястье? – спросил он, впервые с того момента, как сломал ей его.

Врач, приехавший два раза в неделю, за день до этого сказал, что процесс заживления протекает отлично.

Еще бы, *молодые кости.*

– Ну и хорошо, – заявил Артур. – Гипс снимут через неделю, самое позднее, через две.

То же сказал ей и доктор, который, конечно же, сообщал обо всем Артуру.

– Вот когда снимут, тогда я познакомлю тебя со своими друзьями. Они жаждут с тобой увидеться.

Анжеле сделалось очень и очень страшно.

– С вашими... друзьями? А *зачем* мне с ними знакомиться?

Пронзив ее взглядом, Артур отчеканил:

– Дело не в том, зачем тебе с ними знакомиться, а в том, что они хотят познакомиться с тобой. Ничего плохого они тебе не сделают. Тебе даже понравится.

Собрав остатки мужества, Анжела спросила:

– А если... если я *не поеду* к ним?

Артур с милой улыбкой ответил:

– Я сломаю тебе уже сломанное запястье и другое, здоровое, а затем тебя отвезут к ним.

Она поверила, что так оно и будет.

– А отчего ваши друзья хотят со мной познакомиться? Зачем я им нужна?

Артур улыбнулся чуть шире.

– Они любят девушек с темной кожей.

– Но мне... тринадцать.

– Я знаю или ты меня за дурака держишь?

Анжела попыталась успокоить явно входившего в раж Артура.

– Нет, что вы! Просто... Просто это же ужасно, что вы говорите! Это же преступление, причем уголовное и крайне тяжелое!

Артур усмехнулся:

– Это я тоже знаю. Но те люди, которые жаждут с тобой познакомиться, сами работают в правоохранительных структурах. Повторяю, тебе понравится. Никто обижать или бить тебя не будет, если, конечно, ты сама не дашь повода.

Ну да, запястья ломать не станут, только, цитируя СМИ, подвергнут «сексуальному насилию».

А то, что ее не в Барби играть приглашали, Анжела уже поняла.

– А это... *необходимо?* – произнесла она, смотря прямо в глаза Артуру. Тот, выдержав ее взгляд, ответил:

– Не строй из себя дурочку, этого я не люблю. За все в жизни надо платить, и раз вы с мамой и братиком живете как в раю, то не забывайте сказать «спасибо».

Вероятно, то, что Артур уже сейчас делал с мамой и что намеревались сотворить с Анжелой его друзья, было этим самым «спасибо».

Большим и человеческим.

– А мы живем в раю? – переспросила Анжела.

Скорее, в *аду*.

И главным в их личной преисподней был именно красавец Артур.

Поднявшись, Артур заявил:

– Ты узнала то, что тебе надо знать, а теперь можешь идти. И учти, если не поедешь ты, то придется поехать твоему братцу. Другие мои важные друзья также очень хотят с ним познакомиться. *Очень.*

Поднимаясь по бесконечной лестнице на второй этаж, Анжела лихорадочно думала.

Броситься, что ли, вниз? Тогда ее отвезут в больницу – и визита к друзьям Артура не будет.

Но, может, и не отвезут – а придет доктор, который залечит ее до смерти прямо здесь, в этом, так сказать, раю.

То есть их личном аду.

И самое ужасное: если к одним друзьям не поедет она, то

отправится Никитка – к другим.

А какие друзья могли быть у босса в их личном аду? Конечно, как и он сам – с рогами, копытами, красными глазами и острыми-преострыми зубами.

Впрочем, в этом-то заключался и ужас: это хоть были и монстры, но все еще люди.

Ну, во всяком случае, *отчасти*.

Анжела уселась на последнюю ступеньку лестницы, уставившись вниз, на роскошный интерьер особняка.

Ну да, всего один прыжок – и все проблемы решены. Но только ее мама и Никитка так и останутся в этом аду. Она умрет, а они останутся.

А вот если бы умер Артур?

– Мамочка, – произнесла скороговоркой Анжела, когда после завтрака они остались одни: Артур уже отправился в офис, Никитка унесся на своем автомобильчике, сопровождаемый одним из охранников, а надзирательница удалилась на кухню. – Он мне сказал, что... что хочет отвезти меня к своим друзьям.

– Не отвезет, – ответила тихо мама.

– И что... что другие друзья хотят... познакомиться с Никиткой.

Резко встав из-за стола, мама ответила:

– Не познакомятся. Завтра я еду к косметичке. А там посмотрим.

Особого результата от визита к косметичке Анжела на этот раз не ожидала. Она уже приняла решение: если настанет пора ехать к друзьям Артура, то ломает себе другое запыстье.

Но поможет ли это?

Вернулась мама задумчивая и немного грустная, и сердце Анжелы ухнуло куда-то вглубь. Она понятия не имела, что именно сулил визит к косметичке, кроме маски и массажа, однако стало понятно: надежды мамы снова не оправдались.

Их личный ад продолжался, и не видно этому было ни конца, ни края.

– Не вышло? – спросила Анжела, улучив момент, и мама тихо ответила:

– Все получилось.

Девочка уставилась на маму. Она не ослышалась?

– Нас заберут? Это точно?

Мама качнула головой.

– Нет, забирать нас никто не будет, но я нашла способ нам отсюда убежать.

– Он нас найдет! Найдет и...

И покарает.

Мама усмехнулась:

– Не найдет. Просто иди к себе в комнату и будь готова к тому, что нам придется покинуть это место, причем очень быстро.

Ужин прошел, как уже проходил много раз, но Анжела

чувствовала скрытое напряжение.

Артур, отбросив салфетку, взглянул на прислугу, что было сигналом: собрать посуду, быстро убрать на кухне и отправиться восвояси до следующего утра.

Поднимаясь, хозяин тюрьмы произнес:

– Дорогая, ты меня сопроводишь?

Мама, отодвигая стул, заметила:

– Да, всенепременно. Кстати, я нашла кольцо с рубином, оно завалилось за матрас.

И продемонстрировала ему руку, на которой сверкало то самое злосчастное кольцо.

Понимая, что мама его забрала у тех, кому отдала, Анжела подивилась ее хитрости.

Артур, взяв ее руку, поцеловал каждый палец.

– Ну вот видишь, ты умеешь быть послушной, если пожелаешь. Я очень рад. Сегодня я буду особенно ласков.

Мама улыбнулась:

– Дорогой, и я тоже!

Прислуга, выполнявшая функции надзирателей, давно удалилась, Никитка, намаевшись за весь день, мирно спал в своей кровати, а Анжела, лежа в полной темноте, прислушивалась к звукам в ночном особняке.

Она ждала, что дверь откроется, появится мама и объявит, что им пора.

Только этот момент все не наступал.

Один час сменял другой, но ничего не происходило. Вол-

нуясь, Анжела наконец решилась.

Днем за тем, что происходит в особняке, по камерам следили надзиратели. Ночью они этим не занимались, и за всем следил Артур: если не был занят делами или не спал.

В конце концов, даже хозяину их личного ада когда-то требовалось спать.

Да, риск имелся, причем немалый, если он увидит, что она снова нарушила запрет, сломает ей здоровое запястье или даже и заживающее также, но ждать было просто невыносимо.

Может, маме требовалась помощь?

Поэтому Анжела приняла решение покинуть свою комнату и спуститься вниз, к кабинету Артура.

Тот был, как водится, не заперт – и пуст. Анжела обратила внимание на картину, изображавшую Бородинское сражение, которая была сдвинута в сторону: за ней скрывался массивный сейф, причем приоткрытый.

Заглянув в него, Анжела заметила пачки долларов и сафьяновые мешочки, в которых наверняка хранились драгоценности. Ну да Артур явно не был бедняком.

Полка-дверь и на этот раз была также приоткрыта, и Анжела все ждала, что из-за нее появится Артур.

Он не появлялся.

Подойдя к полке-двери, Анжела отвела ее в сторону – надо же, какой она оказалась легкой, видимо, особая конструкция.

И заметила при этом, что дверь сделана из металла и сантиметров десять в толщину: если она будет в подвале вопить при закрытой двери, то никто и никогда не услышит.

Как и тогда, до нее доносились странные стоны и вопли, и Анжела босиком ступила на холодные бетонные ступени.

Те вели куда-то вниз, в подвал, под особняк.

Прямым в центр их персонального ада.

Когда она достигла последней ступеньки, то поняла, что является источником стонов и воплей: это был огромный телевизионный экран, на котором происходило нечто такое невообразимое и мерзкое, что Анжела быстро отвела взгляд.

Неужели нормальные люди могут *таким* заниматься?

Но, во-первых, кто сказал, что нормальные, а, во-вторых, кто сказал, что люди.

Добро пожаловать в ад, девочка!

И хотя Анжела заметила пульт от телевизора, уменьшать кошмарный звук или вообще отключать его не стала: это могло бы привлечь внимание.

Внимание Артура, который, как и мама, был где-то неподалеку.

Анжела увидела несколько дверей. Она крайне осторожно заглянула в ту, которая была открыта настежь.

На стенах, по которым горели стилизованные под факелы светильники, были развешаны пыточные инструменты, какими их обычно изображали в исторических книгах: плети,

маски с шипами, даже массивный топор.

И только прикоснувшись к топору, Анжела поняла: он ненастоящий, а сделанный из мягкого податливого материала.

Убить таким невозможно.

Оттуда, сквозь смежную дверь, она прошла во вторую комнату. Там ее взору вновь предстала коллекция пыточных инструментов, гораздо более разнообразных и зловещих.

Зачем ему столько бутафорской средневековой ерунды? И только прикоснувшись к некому подобию наручников с шипами, Анжела вдруг поняла, что это отнюдь не поролон.

А самый что ни на есть металл.

На некоторых из этих ужасных вещей она заметила темные пятнышки.

Неужели кровь?

Но чья?

Анжела вспомнила следы на спине мамы.

Вероятно, это кровь мамы.

А также предыдущих жертв, о которых та вела речь.

Смежная дверь в третье помещение была закрыта. Анжела долго колебалась, пытаться ли ей открыть ее или нет.

Но раз уж оказалась тут, то ничего иного не оставалось.

Она толкнула ее и оказалась в своего рода медицинском кабинете. Имелось даже кресло, как у зубного, с различного рода странными, жутковатого вида приборчиками, которые были прикреплены на нескольких подвижных штангах.

Только вот зачем все это Артуру?

Он что, *стоматолог*?

Нет, успешный, богатый, влиятельный бизнесмен, а по совместительству (или, если уж на то пошло, именно что в первую очередь, так как это и было его основной сутью) сумасшедший садист.

И тут до Анжелы дошло: никакой это не импровизированный кабинет стоматолога, а отлично оборудованный бункер садиста.

К тому же сумасшедшего.

И все то, что она тут обнаружила, предназначалось для одной цели: причинять людям страдания.

Например, ее маме.

Перед глазами у Анжелы все еще стояли кадры из ужасного фильма, который шел по телевизору около лестницы.

Там ведь тоже демонстрировали, как причинять незащищенной женщине страдания.

На вешалке, напротив кресла для пыток, Анжела заметила некогда белый, а теперь бурый от брызг крови халат.

А рядом, на гвоздике, мирно висело платье мамы, в котором она была за ужином, и там же – небольшая сумочка известного дизайнера, которая была при ней сегодня.

Так что же именно пришлось маме пережить в этом бункере?

Самое ужасное, что ни мамы, ни Артура тут не было. Куда они делись? Ведь, судя по всему, иных помещений в бункере

ужаса не было.

Или были?

Анжела натолкнулась на прозрачную дверь, за которой обнаружился санузел, а также просторное душевое помещение.

Вода из душа с тихим шипением струилась на кафельный пол.

Она заметила еще одну приоткрытую дверь и, вздохнув, шагнула по направлению к ней.

Руки нащупали что-то длинное, металлическое, Анжела нажала на него – и вдруг шагнула оттуда в уже знакомое ей помещение.

Она оказалась в крытом бассейне, примыкавшем к дому.

Она понятия не имела, что оттуда имелся доступ в личный бункер садиста Артура, но, судя по всему, этот дворец таил немало сюрпризов.

Оглядевшись, Анжела поняла, что вышла в помещение, под стеклянным куполом которого располагался бассейн, из ниши, в которой находился изящный фонтанчик. И снаружи дверь была крайне искусно замаскирована под часть выложенной мозаикой стены.

До нее доносились голоса. Выйдя из ниши, Анжела увидела Артура, который находился в бассейне (он обожал плавать по ночам), а также маму, стоявшую около кромки.

Мама была в халате, который, однако, не скрывал кровоподтеков на ее теле. Анжеле стало ужасно жаль мамочку.

Ни мама, стоявшая к Анжеле вполоборота, ни Артур, застывший спиной к ней, ее не видели.

– Раздевайся и иди ко мне! – раздался приказ Артура. Его голос эхом разнесся под куполом бассейна.

– Я устала, у меня все болит. Ты издевался надо мной по полной, а теперь хочешь, чтобы я пошла плавать в бассейне? – ответила мама.

– Я был, как и обещал, нежен! Чем ты недовольна?

Мама, чьи руки прятались в карманах халата, заметила:

– Ты ведь специально сделал себе бассейн с соленой водой, не так ли? Чтобы жертвы, которых ты только что истязал и насиловал, со свежими ранами нырнули в воду и продолжали мучиться?

– Мне не нравится твой тон. Соленая вода отлично дезинфицирует.

– А также заставляет орать от боли! Тебя ведь это заводит?

Артур, шагая в воде, приблизился к металлической лестнице, которая вела в бассейн, и схватился за поручни своими мощными руками.

Одним рывком поднявшись из воды, он принялся карабкаться вверх. Взиравшая на него со спины Анжела отметила, что он сложен, как античная статуя, и абсолютно наг.

И очень давно и прочно психически болен.

– А ведь сегодня мне особенно понравилось, ты была такая... такая податливая. Потому что сама понимаешь, что я не делаю тебе ничего такого, чего бы ты сама не хотела.

Он полностью вышел из бассейна, с его идеального тела стекали потоки воды.

– Ты прекрасно знаешь, что я этого не хочу. И никогда не хотела. И уверена, что никто из твоих жертв не хотел. Но ты их заманивал к себе, селил в своей роскошной тюрьме, какое-то время, вероятно даже, весьма долгое, планомерно издевался над ними, насиловал, а потом... А потом... Ты ведь их в итоге убивал?

Артур убрал волосы со лба и сказал:

– Убивал лишь тех, кто не делал то, что я просил. А если будешь подчиняться мне, то все будет хорошо – и у твоей прелестной дочурки и смешного сынка...

– Ну да, понимаю, ты уже и на них глаз положил. Артур, ты чудовище, признай это!

Артур сделал к маме шаг.

– Мне нужна ты, а не твои дети. Я совершенно и абсолютно нормален и люблю взрослых женщин. Ими займутся другие. Твоя дочка скоро поедет к одним моим хорошим друзьям. Ну а твой сынок навестит других...

– Чудовище, да еще какое. Сам специализируешься по женщинам, а их детей отдаешь прочим монстрам?

– Всего лишь бизнес, и ничего лишнего. Ну надо же укреплять связи с сильными мира сего. А если мы знаем секреты друг друга, то это гарантирует вечную лояльность. Но что-то ты сегодня не в меру говорлива. Иди в бассейн! Я приказываю тебе.

Во время их разговора Анжела, сама того не замечая, вышла из ниши. Она была потрясена не столько тем, что видела, сколько тем, что услышала.

Артур и ему подобные, мама была права, самые настоящие чудовища. Только вот признавать это он явно не собирался и, что ужаснее всего, не только гордился этим, а считал это нормальным.

Совершенно нормальным.

– Нет. В бассейн отправишься ты один. Там тебе самое место, Артур.

Тот бросился к ней с явным намерением затащить в бассейн против ее воли, но мама вдруг вынула из кармана халата руку, в которой блеснул пистолет.

А затем три раза, с крошечными перерывами, выстрелила в надвигавшегося на нее голого Артура.

Звуки выстрелов разнеслись под куполом бассейна, от чего у Анжелы в ушах заложило.

Она на мгновение автоматически закрыла глаза, а когда их распахнула, то увидела, что Артур уже снова лежит в воде – на спине, раскинув руки, в становящейся алой воде бассейна.

От вытекавшей из ран в его груди крови.

Лежал и не шевелился, мерно покачиваясь на волнах, вызванных падением в воду его собственного идеального тела. Теперь, безо всяких сомнений, *абсолютно мертвого.*

Тела крупного удачливого бизнесмена, друга сильных мира сего – и сумасшедшего садиста.

Мама же, в руках которой был зажат пистолет, смотрела прямо на Анжелу.

– Мамочка! – закричала Анжела и бросилась по кромке бассейна к ней.

Мама, подойдя к металлической лестнице, внимательно посмотрела на тело Артура и осторожно положила пистолет обратно в карман халата.

– Мамочка! – Анжела замерла в паре метров от мамы, и только тут до нее со всей отчетливостью дошло: мама только что убила человека, и она стала этому свидетельницей.

Человека – или монстра Артура, босса их личного ада?

Да, монстра Артура, босса их личного ада, который, как ни крути, при всем при том был пусть и чудовищем, но все же человеком.

Впрочем, теперь мертвым – застреленным мамой.

– Думаешь, он мертв? – спросила мама, всматриваясь в тело Артура, которое, казалось, покоилось на красном бархате.

Стараясь не смотреть Артуру в бритый пах, Анжела подтвердила:

– Ну да, мамочка, мертвее не бывает.

И в этот момент голова Артура начала уходить под воду.

Мама удовлетворительно заметила:

– Я *тоже* так, дочка, думаю. Я больше всего боялась не

промахнуться, ведь стрелять я умею, а того, что ранения не будут смертельными. И придется его еще добивать.

И эти кошмарные вещи говорила ее мама!

– Ты умеешь стрелять, мамочка? – спросила Анжела. – Я и не знала...

Выходило, что о маме она многого не знала. Например, что та способна на убийство – причем не спонтанное, вызываемое обстоятельствами непреодолимой силы, а на вполне себе хладнокровное и спланированное.

Впрочем, *также* вызванное обстоятельствами непреодолимой силы.

– Твой отец научил... Хотя вру, дочка, извини, не твой, а Никиткин.

Ну да, ведь докторант из Камеруна любил посещать тир, и мама его сопровождала.

– Говорил, что это может пригодиться ему в жизни. Если плохой белый человек решит напасть. Вот и пригодилось: мне. Потому что Артур был, без сомнения, белым и *очень-очень-очень* плохим. А в том, что человеком, у меня есть некоторые сомнения.

Ну да, боссом их персонального ада.

Анжела все таращилась на голого мертвого Артура. А что если тот, как в фильмах ужасов, вдруг распахнет глаза и направится к металлической лестнице, схватится за поручни своими крепкими руками, выкарабкается на кромку бассейна и, голый, с тремя пулевыми ранениями в груди, со стека-

ющей с его идеального тела, перемешанной с кровью водой, направится к ним.

А глаза у него будут абсолютно черные и пустые.

Но такого, конечно же, не случилось: несмотря на секундные глупые страхи. Артур не поднялся, не восстал из мертвых (вернее, в его персональном случае: из *мокрых*), не направился к ним, дабы покарать их за свое убийство.

Да, он был мертв, и убила его мамочка.

За что Анжела стала с того момента любить ее еще сильнее.

Потому что знала: сделала она это не только для себя, но в первую очередь для них: для нее и Никитки.

– Нам вызвать милицию? – спросила Анжела, еще плохо понимая, как поступить.

Но тогда маму арестуют. Сколько дают за убийство, пусть и своего истязателя?

Может, суд присяжных, если она потребует задействовать его, маму оправдает?

– Ты еще скажи, «Скорую помощь»!

Мама, перестав смотреть на мертвого Артура, к которому полностью потеряла интерес, обратила все свое внимание на дочку.

– У него тут в городе везде друзья. И многие из них, что немаловажно, как он сам признался и намекал мне ранее, замазаны – как и он, занимаются всякими пакостями, причем я имею в виду отнюдь не воровство из бюджета, коррупци-

онные схемы и криминальные семейные подряды. Их немалая часть занимается тем же, чем и Артур: мучает и насилует женщин, некоторые – мужчин. А кое-кто и детей... Ну и в ряде случаев убивают их. Это у них такое хобби.

Посмотрев на Анжелу, мама сказала:

– Извини еще раз, что я вас с Никиткой в это впутала. Я же и выпутаю. Но твое детство, дочка, прошло. Да, я убила человека, и да, это преступление, но идти на поклон к его же друзьям, которые наверняка отомстят мне за его гибель, я не стану. Тем более что в их интересах, чтобы не было никакого скандала с бизнесменом-садистом. Потому что если начнут копать, в особенности журналисты, то всплывут их собственные многочисленные смертные грехи. А этого никто не допустит.

И повторила:

– Извини, но твое детство сегодня закончилось.

Впрочем, мама была права: оно закончилось *еще раньше*, когда они оказались в особняке-тюрьме Артура.

– Но что нам делать? – лихорадочно спросила Анжела. – Надо его тело куда-то деть, ведь так? А как воду, которая теперь стала вся розовой от его крови, спустить? И от пистолета избавиться? Хотя это ведь наверняка его...

Запахивая халат, мама посмотрела на изящные часы на стене бассейна.

– Час двадцать шесть. Прислуга заявится к половине седьмого, так что у нас около пяти часов. Немного, но и немало.

Нам нельзя терять время.

И, обняв Анжелу, поцеловала ее в лоб.

– Никитке ни о чем знать, конечно же, не надо. Да он и быстро забудет, он еще маленький. Но ты поклянись, что никогда никому не скажешь, что видела. Это ведь не в моих, а в твоих, дочка, интересах!

Понимая, что мама права, Анжела пообещала, что никогда никому ничего не расскажет.

– Пистолет не его, это мне косметичка добыла, точнее, ее сожитель, который имеет контакты с местным криминалом. Оставлять пистолет здесь нельзя, потому что через него могут выйти на того, кто мне его дал. От него мы избавимся позднее.

– От сожителя косметички? – ужаснулась Анжела, теперь понимая, почему мама не желала ехать в лучший салон города, а только к своей косметичке: потому что у той сожитель-уголовник.

Рассмеявшись, мама снова поцеловала ее.

– Ну нет, и она, и он люди, в сущности, неплохие. Он даже мне перстень с рубином вернул, чтобы Артур успокоился. Нам надо еще к ним заехать и заплатить за услугу. Он же нам и новые документы подготовит. А потом мы покинем город.

Анжела все поняла.

– Мы пустимся в бега? Но куда, мамочка?

Мама ответила:

– Я уже все продумала, благо что времени для этого,

долгими часами притворяясь спящей после приема таблеток, имела предостаточно. Нам придется переезжать с места на место, по крайней мере, первые годы. Рано или поздно все успокоится, но до этого еще далеко. Ведь тут нас знают под нашими настоящими именами, да и женщина с двумя детьми, особенно такими, как вы, привлекает внимание.

Мама снова ее поцеловала, а Анжела ее прекрасно поняла: белая женщина с двумя белыми детьми внимания не привлекла бы, а вот белая женщина с двумя *не совсем* белыми?

– Но мы справимся. Страна у нас большая, новые документы тоже пока что имеются. Их придется скоро сменить, потому что береженого бог бережет. Но и это тоже не проблема.

Анжела заявила:

– Мамочка, вечные переезды, жизнь под чужим именем, регулярно новые документы – это ведь все ужасно дорого. У нас нет денег!

Мама кивнула в сторону бассейна:

– Зато у него есть, причем чертова уйма. В основном в недвижимости, акциях и на счетах, но кое-что и здесь, в особняке, наличностью, а также в украшениях. На них он не скупился, это правда. Знал же, что они снова вернутся к нему. Потом, когда я умру. То есть он меня убьет. Но умер сам.

Ну то есть мама сама его убила.

– Но мамочка, у него это в сейфе наверняка...

– Да, дочка, но я сумела сделать так, чтобы он мне сейф открыл. А потом мы отправились в пыточную, а оттуда в бассейн...

Так и есть, Анжела вспомнила приоткрытый сейф в кабинете Артура, забитый деньгами и ценностями.

Причем явно *немалыми* деньгами и *немалыми* ценностями.

В этом они убедились, когда вернулись через бункер ужаса в кабинет Артура, оставленного ими плавать в бассейне, заполненной розовой теперь водой.

Розовой.

Анжела вынимала пачки долларов одну за другой, а мама пересчитывала. Пачки состояли из стодолларовых купюр, и в каждой их было по сто.

И таких пачек было 72.

– Что же получается, – спросила Анжела с азартом, как будто они выиграли в лотерею, а не убили человека и потрошили содержание его сейфа.

Ну, пусть *не совсем* человека, а сумасшедшего садиста и босса их личного ада.

Но тем не менее.

– Что же получается, что у нас семьсот двадцать тысяч долларов, мамочка?

Мама, выложившая на гигантском рабочем столе Артура (за которым не суждено ему больше посиживать) из пачек

небольшой замок, на это заметила:

– Ну да, мог и побольше хранить, ты права, дочка.

Анжела не могла сказать, шутила ли мама или говорила серьезно.

Но было еще девятнадцать пачек английских фунтов, по сто пятидесятифунтовых купюр в каждой.

То есть почти еще сто тысяч английских фунтов.

А помимо этого масса побрякушек в сафьяновых мешочках, а под ними плоская шкатулка с переливавшимся в искусственном освещении всеми цветами радуги колье из мелких бриллиантов в виде бабочки и с красным камнем в форме сердца посередине.

– Надеюсь, не стекляшки, а настоящие камни, – заметила мама и отчего-то попробовала один из камешков на зуб, как будто могла определить, подлинный это бриллиант или нет.

В одном из мешочков они нашли золотые монеты, опять же, с ликом английской королевы, правда, еще молодой, а в другом – также монеты, к тому же, судя по годам чеканки, девятнадцатого и восемнадцатого веков, причем разнообразной европейской чеканки.

– С этим добром валандаться – только рисковать. Понятия не имею, сколько все эти соверены, пиастры и талеры стоят, да и продавать их надо через специалистов, а там можно и на проблемы напороться.

– Не берем? – спросила Анжела, и мама заявила:

– Конечно же, берем!

На самом дне обнаружилась и коробка с пистолетом, и мама расхохоталась:

– Надо же, у него свое оружие имелось, я могла из него его и грохнуть, а не судорожно искать другое.

И только тут Анжела вспомнила: ну да, они были не в пещере Али-бабы или хранилище ценностей графа Монте-Кристо, а в рабочем кабинете убитого мамой Артура.

Оглядев все немалое содержимое сейфа, Анжела ощутила, что ее начинает бить дрожь.

А если их поймают? А может, лучше все же позвонить в милицию? А как долго им придется находиться в бегах?

Видимо, понимая ее настрой, мама прижала ее к себе и сказала:

– Если что-то и случится, то в тюрьму пойду я одна. Я его убила, дети ни при чем. Запомнила? Ты ничего не видела и мне не помогала! Я разбудила тебя и Никитку, велела собираться, и мы с вами уехали. О том, что произошло в особняке, я никогда с тобой не говорила. Поняла, дочка?

Анжела кивнула и, переведя взор на солидную гору соколовиц, сказала:

– И как мы все это потащим?

Пригодились спортивные сумки, которые нашлись в спальне и гардеробной Артура – тот ведь регулярно посещал спортзал, шлифуя свое идеальное тело.

То самое, которое с тремя дырками в туловище плавало

сейчас в его собственном же бассейне.

Отвергнув яркие и чересчур привлекающие внимание известными логотипами, мама выбрала три сумки темных расцветок и велела:

– Дочка, укладывай нашу добычу, а я пойду собирать Никитку.

Спустившись в кабинет, Анжела принялась осторожно загружать в сумки содержимое сейфа, что с учетом ее загипсованного запястья было непросто и дело продвигалось медленно.

Трех сумок не хватило, пришлось взять еще небольшой чемоданчик на колесах, который также нашелся в гардеробной Артура.

Деньги, как выяснилось, были весьма тяжелым грузом: бумага все-таки. Анжела прикинула: тут одних купюр почти на миллион в свободно конвертируемой валюте.

Плюс драгоценности и золотые монеты.

Они же сказочно богаты – пусть и не как Эдмон Дантес, но *почти*.

Она вынесла сумки в холл. Часы показывали начало четвертого. Им стоило поторопиться. Сложно сказать, когда прислуга обнаружит в бассейне тело убитого хозяина, вряд ли прямо сразу же, но рано или поздно это произойдет.

Никитка, облаченный в курточку с капюшоном, зевая, раскапризничался.

– Никуда я не поеду! Мне и тут хорошо! Тут столько иг-

рушек. И мой собственный автомобиль.

Ну да, *и автомобиль!*

Мама, наскоро собравшая еще два больших чемодана, также на колесиках, с одеждой, своей и детей, вдруг поняла, что она все еще в халате и бросилась наверх переодеваться.

Анжела, присев на колени перед братиком, поправила воротник его куртки.

– Точно с нами не поедешь? – спросила она Никитку, и мальчик заявил:

– Точно-точно!

Однако не забыл, распираемый любопытством, добавить:

– А вы куда?

Анжела притворно вздохнула:

– Ну, значит, нам придется тебя здесь оставить. Потому что мы сами поедem в крайне интересное место. Это начало невероятно интересного приключения! Как в «Винне-Пухе»!

Эту книжку, а также мультфильм Никитка любил больше всего.

– Я тоже хочу! – заявил мальчик, и Анжела вздохнула:

– Но ты же намереваешься остаться. Тут так много игрушек, которые, однако, тебе уже надоели. Ты мне сам говорил. Значит, у нас будут приключения, а у тебя надоевшие игрушки.

Никитка испуганно заявил:

– Я с вами хочу! А куда мы едем?

Анжела и сама, собственно, этого не знала.

Вернулась мама, которая переделалась и даже нахлобучила платиновый парик и столь странные ночью солнцезащитные очки.

– Мамочка, а я тебя все равно узнал! – заявил Никитка, и мама, стягивая парик, сказала:

– Ладно, может, пригодиться. А теперь нам пора!

Они подошли к дверям особняка, а Никитка вдруг огорошил их вопросом:

– А как же дядя Артур? Он с нами не поедет?

Мама растерялась, а Анжела пояснила:

– Нет, не поедет. Он... *занят*.

– А чем? – пожелал непременно знать братец, и Анжела просветила его:

– В бассейне плавает...

Что было сущей правдой – она только забыла сообщить мальчику, что плавает он там *в мертвом виде*.

– Так если мы уезжаем, нам надо с ним попрощаться. Иначе выходит неправильно! Если уезжаешь, всегда надо прощаться!

Никитка умел был крайне настырным.

– Мы уже попрощались, и за тебя тоже, – сообщила мама, пытаясь водрузить на плечо одну из сумок.

– Но я же не попрощался! Дядя Артур добрый, он мне столько игрушек просто так подарил!

Ну да, *и автомобиль*.

А в самом скором будущем сам намеревался подарить Никитку – своим хорошим приятелям.

Пусть дядя Артур горит в аду – *своем личном!*

– Дядя Артур сейчас занят. Ты же знаешь, он много работает, сынок...

– Так Анжела сказала, что он в бассейне плавает.

Ну да, мертвый *и* с тремя дырками в груди.

– Уйдем по-английски, не прощаясь. Нам пора! – Мама рванула Никитку за руку, при этом сумка, находившаяся у нее на другом плече, съехала, упала на мраморный пол и, вероятно, будучи не до конца застегнутой, выплюнула насколько денежных пачек.

С азартом схватив их, Никитка закричал:

– Ой, у нас так много денег! Я такие по телевизору видел!

Знал бы он, что у них не эти жалкие три или четыре пачки, а почти миллион: и это только наличностью.

– Это нам дядя Артур дал?

Ну, можно было сказать *и* так – дал, только против своей воли.

– Мы в лотерею выиграли, – заявила мама, но так просто Никитку провести было нельзя.

– Мамочка, но тогда бы мы выиграли в рублях, а это не наши деньги. А, понимаю, мы дядю Артура ограбили и теперь бежим?

Ручка чемодана на колесиках, который волокла за собой мама, выскочила у нее из-под пальцев и чемодан грохнулся

О пол.

Причем с таким невероятным грохотом, который мог бы и мертвого разбудить: однако в случае с плававшим с тремя дырками в груди Артуром в бассейне этот трюк эффекта, вероятно, *не оказывал*.

Мама, кусая губы, собиралась, мыслями, а Анжела, снова присев на колени перед братцем, сказала:

– Да, ограбили. Он бил маму. И меня. Фингал он мне поставил. И запястье он сломал. Он плохой. И тебя хотел отдать злым дядям!

Как ни странно, но правда, пусть и в такой детской форме, утихомирила Никитку, который тотчас стал как шелковый.

– Я не хочу к злым дядям, я хочу с вами! И игрушки его мне надоели, и автомобиль вечно буксует!

Он сам вложил свою маленькую пятерню в ладонь Анжелы.

– Только понимаешь, нам надо молчать. Иначе будет плохо.

Никитка с обидой произнес:

– Я не маленький! Я буду молчать, а ты?

Поцеловав его, Анжела заверила, что будет и она.

Они подошли к входной двери – и мама безрезультатно дергала ручку: дверь была заперта.

– Тут сигнализация, – заявила она в ужасе. – И чтобы выйти, надо ввести код!

Код, который был известен или прислуге, которая должна

была скоро пожаловать, или Артуру.

Тому самому, который плавал с тремя дырками в груди в бассейне.

И что же делать – в окно лезть? Стекло разбивать? А ведь впереди еще ворота, которые тоже на запоре и для которых также требуется код.

Запаниковав, мама стала всхлипывать, а Анжела, предельно собравшись, сказала:

– Гараж.

– Что? – Глаза у мамы округлились.

А Анжела пояснила:

– Подземный гараж. Попасть туда можно и из холла, и с кухни. Там ведь все его «Мерседесы», «БМВ» и «Мазератти». Дверь гаража, если выезжаешь, открывается автоматически, при помощи пульта дистанционного управления, который имеется в каждом автомобиле. И при помощи него же открываются и ворота.

Ведь именно так поступил Артур, когда привозил их в свой замок ужаса.

Просияв, мама сказала:

– И в кого ты у меня такая умная, дочка? Явно не в меня. В отца своего, наверное. И добавила: – Так на какой крутой «тачке» мы отсюда смотаемся?

Хоть Никитка и желал поехать на красном «Порше»-кабриолете, его убедили, что лучше взять менее приметный чер-

ный «БМВ».

Во всех автомобилях – они это проверили – ключи торчали в замке зажигания, что было весьма практично. Конечно, Артур и не предполагал, что кто-то сможет угнать его дорогие игрушки прямо из замка ужаса.

Как не предполагал и того, что будет плавать с тремя дырками в груди в собственном бассейне.

Когда они загрузили все сумки, мама уселась за руль и перекрестилась, чего никогда раньше не делала.

Даже после убийства Артура.

– Ну, с Богом! Надо было мне больше майора слушать, царство ему небесное...

Что случилось с майором ГАИ, неплохим дядькой, который вечно приносил им с Никиткой липкие, ужасно сладкие леденцы, Анжела не знала, но, вероятно, что-то *не совсем хорошее*, раз он уже был не жилец.

Как-то *не везет* маминим хахалям.

Автомобиль, взвизгнув тормозами, взял с места, да так резко, что расположившихся на заднем сиденье детей знатно потряхнуло.

– Мамочка, ты все верно делаешь? – спросила обеспокоенно Анжела, и мама заявила:

– Ну, передачу не ту включила, с кем не бывает.

Сделав два «круга почета» в подземном гараже и при этом едва не задев тот самый красный «Порше», мама подрулила наконец к двери.

– Где эта хрень, которой другую хрень открывают! – крикнула она, а Анжела спокойно ответила:

– В «Мерседесе» она была в бардачке.

Оказалось, что и в «БМВ» тоже.

Дверь медленно поехала вверх, и их автомобиль выкатился наконец наружу. Стоял май: уже медленно, но верно занимался рассвет. Не газуя, мамочка аккуратно покатила от замка ужаса вдоль темных деревьев парка к воротам.

– Почему не открывается? Что за ерунда! – кипятилась она: высоченные витые ворота не желали открываться.

– Может, кнопка другая, мамочка? – спросила Анжела.

Так оно и оказалось: кнопок на пульте дистанционного управления было *две*, одна для ворот поместья, другая для гаража.

Наконец они покинули это ужасное место, хозяин которого плавал с тремя дырками в груди в бас-сейне.

Их путь лежал к косметичке, которая жила в дальнем районе города. Мама два раза проехала на красный свет, и Анжела с заднего сиденья велела ей быть внимательнее: не хватало еще попасть в ДТП или привлечь внимание ГАИ.

Несколько раз мама свернула не туда, и Анжеле, неплохо уже ориентировавшейся в городе, пришлось давать указания, как и куда ехать.

Прибыв на место, мама припарковалась (без малейших проблем!) и, заглушив мотор, заявила:

– Я быстро! Никуда ни шагу!

Ну да, как будто они желали отлучиться.

Быстро не получилось, время тянулось, как резиновое, и Анжела все кляла себя за то, что не спросила у мамы, в какой квартире живет косметичка.

Звали ту, кажется, Милой.

Не ходить же рано утром, трезвоня во все квартиры, разыскивая Милу, чьей фамилии она, естественно, также не знала?

Хотя если мама не появится, придется.

Но мама появилась: с папкой в руках и улыбкой на лице.

– Ну что, семейство Ивановых, вперед и с песней! – заявила она, демонстрируя детям свой новый паспорт (хотя выглядел он как старый), с маминой фотографией (ее сделали во время визита к косметичке – даже фингал полностью заретушировали), на имя *Елены Александровны Ивановой*.

– Думаете, сколько таких на просторах нашей необъятной родины? – спросила победоносно мама. – Имя оставили, а вот фамилию и даже отчество изменили. И дату рождения тоже сдвинули. Отлично, на два года меня моложе сделали: могли бы и на все четыре!

Имелись и два свидетельства о рождении на Анжелу Иванову и Никиту Иванова: им даты рождения оставили настоящие.

Только с отцами дали маху: мало того что из двух сделали одного, это еще можно было бы пережить, но указали, что их

общего родителя звали Виктором Олеговичем Ивановым.

– Да, вот именно так – *Виктор Олегович Иванов!* С предками в Африке, как же еще. Как у Пушкина. Или они что, из меня делают особу легкого поведения, которая своему законному мужу изменяет и детей на стороне нагуляла, а он их рыцарски на свое имя записал?

Но делать было нечего: Виктор Олегович Иванов – *значит*, Виктор Олегович Иванов.

Повернувшись к дочери и сыну, мама сказала:

– Запомните, ваш папа был майор ГАИ и доблестно погиб при исполнении обязанностей. Бандиты застрелили.

Анжела добавила:

– *Тремя пулями в грудную клетку...*

Мама продолжила:

– Будут лезть с вопросом, почему вы «черные». Вы никому это комментировать не обязаны. Если у кого есть вопросы к моей сексуальной жизни, пусть обращаются ко мне.

– Мамочка, а что такое *текстуальная* жизнь? – подал голос Никитка.

Город они покинули на «БМВ» Артура, причем страшнее всего было проезжать мимо стационарного поста «гаишников» на выезде на федеральную трассу.

Однако никто и не думал приказывать им остановиться, выходить из салона с поднятыми руками и вверять себя заботам людей в форме, с масками на лицах и автоматами на-

перевес.

Движение в тот ранний час было на удивление плотное, перед ними, по воле судьбы, шла абсолютно идентичная «БМВ», и по модели, и по цвету.

И на ту машину, которая катила впереди них, и на ту, в которой ехали они сами, никто из зевавших гаишников не обратил ни малейшего внимания.

Ну да, потому что тело Артура еще не обнаружили.

Однако они не могли исходить из того, что так будет вечно. В конце концов, когда поймут, что из сейфа в доме исчезли все ценности, а также пропал автомобиль из подземного гаража, номер «БМВ» будет объявлен в розыск.

Поэтому с таким крутым и удобным средством передвижения пришлось расстаться. Они бросили его недалеко от вокзала города-спутника, куда прибыли тем утром. До этого они тормозили всего один раз: чтобы Никитка смог пописать.

И, пользуясь представившейся возможностью, мама выудила из кармана легкого пальто, которое было на ней, пистолет.

Тот самый, из которого она застрелила Артура.

Анжела уже знала: из города-спутника они на поезде переедут в райцентр соседней области, а оттуда с автобусного вокзала отправятся на другой конец страны.

Оказывается, мама уже разработала маршрут их путешествия.

Вернее, *бегства*.

– Ну, спасибо тебе. И прощай!

Мама швырнула пистолет в болото, спугнув пару цапель. Пистолет, описав кривую дугу, с чавканьем погрузился в зеленую жижу и навсегда ушел на дно.

– Ну что, готовы? Наше путешествие начинается, семейство Ивановых!

Так в самом деле и началось их путешествие, которое, вихляя то туда, то сюда по географической карте, привело их в итоге в тот ленивый провинциальный город у реки.

– Спасибо вам, Демидыч! – произнес Валька, а старик, который привез их к дому подростка, ответил:

– Вы теперь знаете, где я живу, так что заходите в гости. И, как я уже говорил, на следующей неделе внуки приезжают.

Анжела вздохнула.

На следующей неделе их тут *не* будет.

Валька об этом и не подозревал, но придется ему еще сказать. Или, быть может, просто исчезнуть из его жизни раз и навсегда.

Уйти по-английски?

Как они тогда ушли от Артура.

За эти полтора года они много где побывали, много чего пережили – но все обошлось. Денежные запасы несколько подтаяли, однако их еще вполне хватало, чтобы вести

неплохую жизнь и мало в чем себе отказывать.

Мама заявила, что с такими деньгами им надо податься за границу, причем не в Беларусь или Украину, а подальше, чтобы там осесть и вести степенную жизнь богатых русских, но это не так просто, потому что одно дело – добыть «левые» загранпаспорта, а совсем другое – получить нужные визы.

Она обмозговывала один вариант за другим, но пока не нашла решения.

Впрочем, Анжела уже свыклась с их кочевой жизнью: это в самом деле было большое, незавершающееся приключение.

Они не шиковали, чтобы не привлекать к себе внимания, мама даже для отвода глаз работала, хотя стоило сходить в обменник, продать там очередную порцию валюты – и у них вновь появлялись средства на жизнь.

После *очень больших* проблем с реализацией золотых монет в Питере, куда они подались в конце первого года, мама решила пока что жить на валюту, оставив драгоценности и монеты «на потом».

Это «потом» было, Впрочем, еще очень и очень далеко.

Об убийстве бизнесмена Артура К. сообщали, но на областном уровне, мама это проверяла. Объявляли ли ее в розыск, она не знала, но даже если и да, то паспорт на новое имя помогал ей избежать неприятностей.

Да и сказочка с отцом-майором ГАИ функционировала

безотказно – в нее верили. Конечно, вопросы вызывал тот факт, что отцом Анжелы и Никитки было явно лицо «африканкой национальности», но мама элегантно обходила этот вопрос, сообщая, что детей они с мужем взяли из детдома, где их оставила бессердечная мамаша, явно крутившая романы с иностранными студентами.

То, что романы с иностранными студентами крутила сама мама, добавлять было вовсе не обязательно. А в историю о погибшем при исполнении доблестном папаше, майоре ГАИ, верили все безоговорочно.

Как оказывается, *легко* всех обмануть и заставить поверить в ложь!

Анжела всегда добавляла, что папа-майор погиб от трех злодейских пуль в грудь, а потом ей это надоело, и она вернулась к версии мамы о том, что ее отец – сын ближайшего сподвижника Фиделя Кастро.

Хотя и это было наверняка из того же разряда, что и папаша-майор ГАИ, павший смертью храбрых.

И, что самое удивительное, их крошечная семья, объединенная общей тайной, все еще рассматривала все как большое приключение.

И теперь этому приключению предстояло перейти в новую стадию.

Да, быть может, лучше всего: просто уехать, ничего Вальке не говоря.

Ведь за эти скоро как два года он был первым, кому она

намеревалась поведать, пусть и без лишних и опасных подробностей, историю своей семьи.

Подлинную, а не выдуманную.

Потому что если кто и знал, как им, к примеру, попасть за рубеж без заграничных паспортов и виз, то это всезнайка Валька.

– Зайдем, непременно зайдем! И спасибо за Жюля Верна! – поблагодарил Валька.

Демидыч на своем мотоцикле затарахтел обратно, а Валька произнес:

– Может, чаю зайдешь выпить? Я заодно Жюля Верна оставлю и тебя провожу...

– Не надо, Валя, – ответила Анжела, вдруг понимая, что *не хочет* уезжать из города.

И главное, не хочет расставаться с Валькой.

Она что, *влюбилась* в него?

– Нет, надо! – заявил он. – Ну ладно, не хочешь заходить, я только книжку брошу, не хочу ее с собой таскать, вдруг запачкается, экземпляр раритетный, и вернусь! Я мигом!

Он побежал в свой подъезд, а Анжела смотрела ему вслед.

Сказать или не сказать?

Да, в самом деле: *вот в чем вопрос!*

Она поклялась маме, что не сделает этого. Ну хорошо, клятву она нарушать не будет. Но ведь она не клялась, скажем, *не писать*.

Не говорить – это *да*, а вот не писать – *нет*.

Значит, и клятву не нарушит.

И, если что, в прощальном письме Вальке изложит причины, которые заставляют их покидать город.

Или не в прощальном письме, а еще до отъезда, с просьбой, чтобы он прочитал и дал ей совет?

От этой мысли у нее на сердце полегчало, и Анжела поняла: так и сделает.

Вообще-то так хотелось прямо сейчас сесть и накатать это послание.

Интересно, о трех дырках в груди Артура тоже стоит упомянуть или лучше обойти этот факт молчанием?

Бросив взгляд на Валькин подъезд, Анжела решила не ждать его. Лучше уйти так, *по-английски*.

Но уйти, чтобы завтра вернуться!

Только уже с письмом в качестве извинения.

Валька умный и необидчивый, он поймет.

И, приняв решение, Анжела зашагала как можно быстрее от своего дома к остановке, чтобы на трамвае отправиться на съемную квартиру.

И вспомнила, что денег-то у нее нет: кошелек остался там, в сарафане, на берегу реки, сделавшись трофеем гопников.

Так как в каждом трамвае теперь имелся кондуктор, он же продавец билетов, то проехать «зайцем» не вышло бы, и Анжела отправилась домой пешком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.